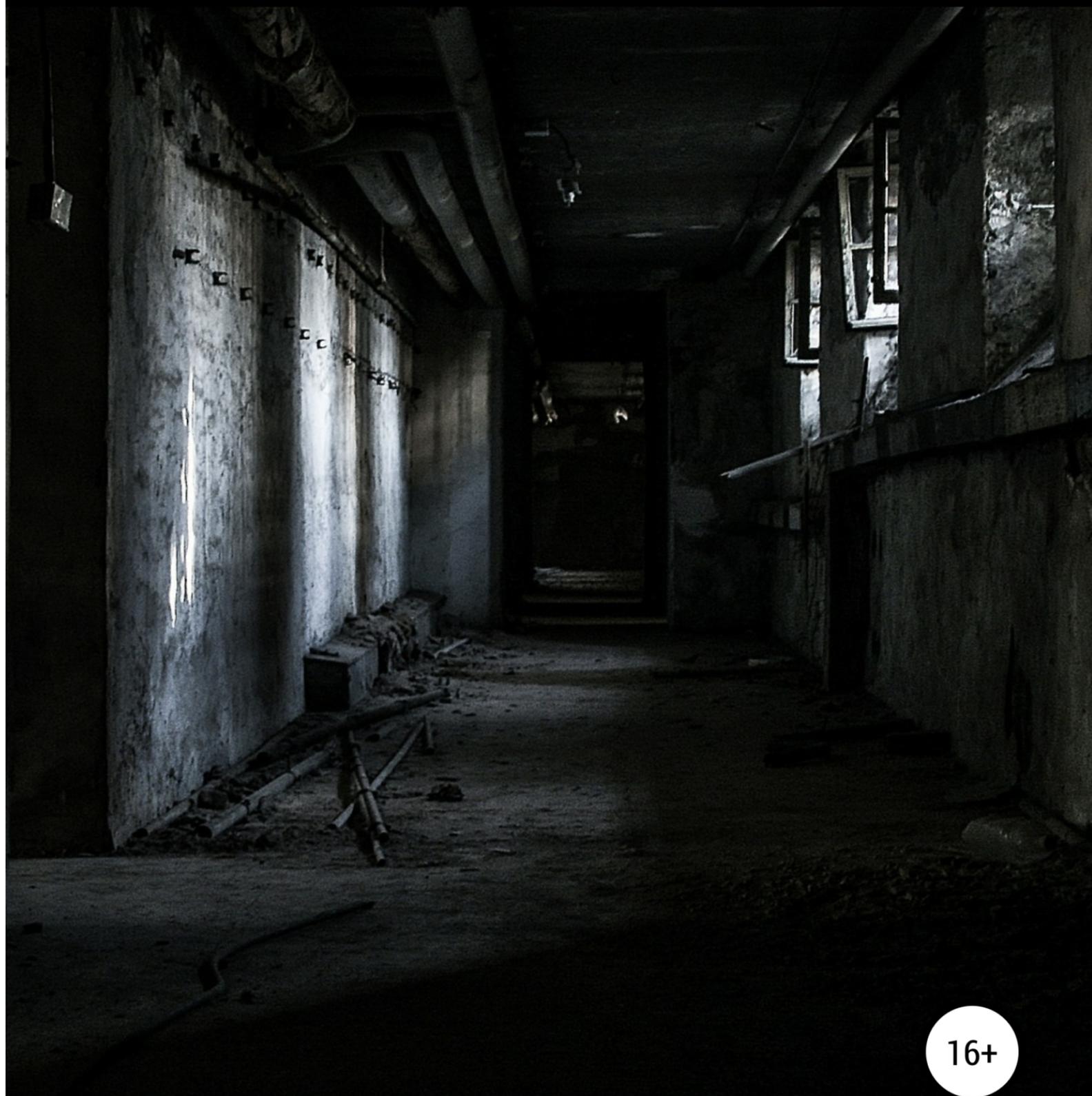

Саша Фишер

*За глупость платят
дважды*

16+

Саша Фишер

За глупость платят дважды

«Автор»

2022

Фишер С.

За глупость платят дважды / С. Фишер — «Автор», 2022

- Белый цвет, герр Шпатц, всегда приносит одни сплошные неприятности, - сказал Крамм, разглядывая белоснежный корабль. - Почему же? Белый - цвет невинности, он символизирует чистоту намерений и благие помыслы, - Шпатц стряхнул невидимую пылинку с рукава своего белого костюма. - Именно поэтому все наши с тобой знакомые мошенники одеваются в белое, - Крамм засмеялся. - Нет-нет, я ни на что не намекаю! Это четвертая книга цикла НА СТОРОНЕ СОЛНЦА. Последовательность: 1. Честность свободна от страха 2. Правда понимания не требует 3. Предатель выбирает один раз 4. За глупость платят дважды

© Фишер С., 2022

© Автор, 2022

Саша Фишер

За глупость платят дважды

Глава 1

Keiner kann hier unten stören

Niemand niemand darf uns hören

Nein man wird uns nicht entdecken

Wir lassen uns das Leben schmecken

(Никто нас здесь внизу не потревожит

Никто, никто нас не услышит

Нет, нас не найдут

Мы можем свободно наслаждаться жизнью)

Wiener Blut – Rammstein

– Удивительно скучное зрелище, – Крамм отошел от окна и осторожно сел на невесомый стул на тонких ножках. – Фогели так высоко не забираются.

Шпатц остался стоять, завороченно глядя на раскинувшееся далеко внизу облачное море.

– Ты ничего не хочешь мне наконец рассказать? – Крамм сложил ноги на пустой стул напротив него. – Что означает наше внезапное бегство из Пелльница на этом чудовище? И как это связано с твоей аудиенцией у кайзера?

– Герр доктор обещал все объяснить позже, – Шпатц наконец оторвался от созерцания белопенных облаков и повернулся к своему анвалту. – На самом деле я знаю немногим больше твоего.

– И с тебя потребовали хранить клятву о том, что ты сохранишь это небольшое в строжайшем секрете? – Крамм посмотрел на пустой стол и вздохнул. – А кормить хотя бы нас в дороге обещали?

– Нет, от меня никто ничего не требовал, – Шпатц медленно покачал головой. – После моего рассказа, Готтесанбитерсдорф бесцеремонно выпроводил меня в приемную. Через полчаса вышел сам и потребовал следовать за ним. Мы сели в мобиль, вернулись в Фалькенест, где нам с вами дали полчаса на сборы. И все...

– А о чем был разговор с кайзером?

– О сигнальных башнях, Паули Вийко и виссенах, – Шпатц пожал плечами. – Вы это все и так знаете...

Вчера поздним вечером мобиль доктора Готтесанбитерсдорфа привез Шпатца и Крамма на флюглац, где, как оказалось, их ждал огромный цвайфах-гехайз-люфтшифф. Раньше Шпатц про такие только читал – два сигарообразных корпуса, соединенные общей гондолой. Обычно такие люфтшиффы называли доппелями и использовались для перевозки крупных грузов или высадки десанта. Это чудовище было способно приземлиться практически на любой условно ровной поверхности, главное, чтобы места хватило. Но внимательно рассмотреть допель Шпатц не успел. Мобиль доктора без всяких проволочек пропустили прямо к трапу, постоять у которого Готтесанбитерсдорф не позволил. А как только они поднялись на борт, раздался сигнал отправления. До каюты Шпатца и Крамма провожал неразговорчивый детина в знакомой уже черной униформе. Именно такие ребята сопровождали доктора в Флауменблут. Черные мундиры, серебряный кант и силуэты хищных птиц в петлицах. Крамм попытался задать провожатому вопрос, но тот молча проигнорировал его слова, взбираясь по решетчатым металлическим ступеням куда-то на самый верх. Каюта оказалась крохотной, с двумя кроватями одна над другой и крохотным узким шкафом с двумя отделениями. Никаких окон или чего-то подобного. После чего человек в черном удалился, оставив дверь откры-

той. Мерно стрекотавшие до этого турбины взревели, люфтшифф качнулся, пол едва заметно накренился – они поднялись в воздух.

Их каюта выходила в коридор, который заканчивался маленьким холлом с большим наклонным окном и тремя столиками. Другой конец коридора упирался в дверь санитарного блока, в котором унитаз тесно примыкал к раковине для умываний, а под потолком была закреплена лейка душа. Инструкция на двери предписывала пользоваться туалетом исключительно сидя, держась за поручни. Принимать душ следовало не дольше трех минут.

– Что-то мне подсказывает, что кое-что я все-таки пропустил, – проворчал Крамм. – Надеюсь, у тебя были веские основания скрывать. Кстати, мы же не пленники?

– Замков я вроде не вижу, – Шпатц приоткрыл дверь кают-компания и выглянул на лестницу.

– Пахнет едой и кофе, – Крамм потянул носом воздух и встал. – Предлагаю выбраться на разведку, никаких указаний сидеть на месте и слушать урчание желудка нам не давали.

– Может быть, нам наконец расскажут, куда нас везут и зачем, – Шпатц взялся за тонкие перила и стал осторожно спускаться вниз вслед за Краммом. Сначала Шпатц опасался, что они заблудятся в лабиринте лестниц и переходов, но сориентироваться оказалось легко – нужно было всего лишь идти на запах еды и гомон множества голосов. Столовая обнаружилась тремя этажами ниже. Это было просторное помещение, поделенное на две части невысокой стенкой – в правой стояло два длинных стола, а в левой, примыкающей к ряду больших окон – несколько отдельных маленьких. Один из длинных столов был занят людьми в черных мундирах. Сосчитать их Шпатц не успел, но прикинул, что их около тридцати. Вопреки ожиданиям, они сидели не с каменными лицами, механически поглощая еду из тарелок, а весело болтали, шутили и даже смеялись. Почти все маленькие столики, кроме двух, были свободны. Один был занят четырьмя ничем не примечательными мужчинами в обычных штатских костюмах, а за другим сидели три женщины. Одна молодая и две постарше. Рядом со вторым столиком приплясывал сам доктор Готтесанбитерсдорф, одетый в костюм в красно-фиолетовую клетку и желтую с золотой нитью рубашку. Его рыжие волосы были гладко зачесаны назад.

– О! Герр штамм Фогельзанг! И герр Крамм! – доктор взмахнул длинными руками и стремительно направился к порогу. – Как хорошо, что вы сами догадались прийти, я уже думал, что придется кого-то послать вас будить! Значит так, схема у нас простая – вы подходите к раздаче и получаете свой завтрак, специального обслуживающего персонала здесь нет. А потом присаживаетесь на любое свободное место. Надеюсь, все понятно?

Шпатц и Крамм синхронно кивнули и направились за ширму, на которую указал доктор. Похоже, местный повар не пытался побаловать пассажиров люфтшиффа особым разнообразием блюд. На завтрак полагалась миска сладкой молочной каши, две куриных сосиски и кусочек масла. Кофе или чай можно было налить из больших термосов с носиками. В отдельной металлической емкости – молоко. Еще можно было взять на выбор яблоко или грушу.

– Эх, я уже скучаю по разносолам герра Блазе, – Крамм поставил поднос на стол, примыкающий к окну. – Там все еще облака! Ни единого просвета, хоть бы понять, куда мы летим.

– Как, я разве вам не сказал? – на свободном стуле немедленно устроился Готтесанбитерсдорф. – Мы летим в Аренберги. Там есть работа для моего летающего госпиталя, а вы... Когда кайзер мне любезно разрешил вас забрать, я решил, что вы мне тоже пригодитесь.

– Герр пакт Готтесанбитерсдорф, – осторожно начал Шпатц, поставив свой поднос и присаживаясь за стол. – Вчера все случилось слишком быстро, и я не совсем понял, что произошло. Наше путешествие как-то связано с моим докладом?

– О нет, ни в коем случае! – доктор всплеснул длинными руками и посмотрел на Шпатца поверх крохотных красных очков. – Видите ли, герр штамм Фогельзанг, я слышал все, что вы сказали кайзеру, до последнего слова. Я отлично себе представляю, какого именно результата вы ждали, но никак не мог этого допустить.

– И чего же я ждал, по-вашему, – Шпатц взялся за легкую алюминиевую ложку.

– Что впечатленный вашим рассказом о забытом могуществе сигнальных башен кайзер немедленно отправит вас в секретную службу, которая занята поисками древних знаний и оккультных дисциплин, – Готтесанбитерсдорф уперся в стол растопыренными пальцами и подался вперед. – Что-то похожее, верно? Вы коснулись края великой тайны и хотели бы продолжать с ней работать?

– Я... – Шпатц опустил глаза и почувствовал, как жар приливает к щекам. – Я представлял себе это немного не так, но...

– Понимаю, герр Шпатц, – доктор похлопал Шпатца по плечу. – Стремиться к великому – это отличное качество! Вот поэтому я и должен был вам помешать.

– Я все еще не очень понимаю, что вы имеете в виду, доктор пакт Готтесанбитерсдорф, – Шпатц нахмурился.

– Видите ли, очень многих людей в моем окружении сгубила вот эта вот порочная тяга к поиску могущества в прошлом, – доктор откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. – вы побывали в загадочных руинах, почувствовали нечто странное, услышали правдоподобную гипотезу, приоткрывающую тайны мироздания... Вы молоды, герр Шпатц. Вам хочется изменить мир, найти ответ на вопрос о смысле жизни, и желательно сделать это быстро, одним легким взмахом пера кайзера. Это не плохо, возможно, я и сам был таким же в вашем возрасте.

Доктор широко улыбнулся и ненадолго замолчал. При упоминании руин Крамм замер и внимательно посмотрел на Шпатца.

– Вы считаете, что мне не следовало делать этот доклад, герр пакт Готтесанбитерсдорф? – Шпатц поднял взгляд на доктора.

– Напротив, я очень рад, что вы это сделали! – доктор привстал и навис над столом. – Это показывает вашу решимость, умение анализировать ситуацию и выделять важное.

– Тогда почему... – Шпатц потряс головой, почувствовав, что совершенно сбит с толку.

– В прошлом нет никакого могущества, герр Шпатц, – Готтесанбитерсдорф сел обратно на стул. – Эти несчастные города лежат в развалинах много лет. Они погубили множество жизней тех, кто пытался искать в них ответы на современные вопросы. А их там нет!

– Откуда вы знаете? Вы же не были ни в одной из экспедиций! – горячо возразил Шпатц.

– Все они давно мертвы, – голос доктора стал холодным, а взгляд – колючим. – Разрушены и покрыты пылью. И пребывают в этом состоянии уже больше пяти сотен лет. Да, там остались какие-то искры непознанного, смертельные ловушки, неизвестные источники энергии и будоражащие разум загадки. Но с тех пор мир неузнаваемо изменился. Мы построили новые города, подняли в воздух люфтшиффы и больше не ведем войн, бросаясь грудью на мечи врагов. Что бы там ни пряталось в этих развалинах, оно не стоит ни вашей загубленной карьеры, ни вашего ясного рассудка.

– Но герр Адлер... – Шпатц начал понимать, к чему клонит доктор, но согласиться с ним пока был не готов.

– Адлера мне не удалось отговорить от экспедиции, и где он теперь? – доктор скривил губы в непонятной гримасе. – Надеюсь, он еще жив. Раз инфантильный Ледебур сумел перебраться через границу, значит и у остальных есть шанс. Вы знаете, как окончил свои дни Ауфзес? Он бы самым рьяным фанатиком исследования этих несчастных городов? Пуская слюни в изгнании, на руках у своей несгибаемой супруги, которая, я уверен, считала дни до того момента, когда он наконец испустит дух, чтобы перестать слушать его бесконечный бред о башнях и звездах. А герр Вийко? Мы были знакомы очень шапочно, но судя по вашему описанию он стал законченным маньяком и умер в мучениях у вас на глазах. Только лишь потому, что вбил себе в голову, что ему непременно надо постичь эту покрытую пылью тайну. Мне бы очень не хотелось, чтобы вас постигла та же участь.

– Но я же вервант... – начал Шпатц, но сразу же поднял обе ладони вверх. – Впрочем, ладно... Вы почти убедили меня. Но кое-что все же осталось неясным. Зачем мы здесь?

– Я всегда знал, что вы умный юноша, – Готтесанбитерсдорф широко улыбнулся. – Но разговор о наших делах я, с вашего позволения, немного отложу. Вам надо позавтракать, а мне – кое-что решить до прибытия.

Готтесанбитерсдорф быстро вскочил и широкими шагами направился к выходу из столовой.

– Побывал внутри? Что-то почувствовал? – Крамм вопросительно приподнял бровь. – Ты уверен, что я все знаю про эту историю с башней?

– Да что уж там... – Шпатц махнул рукой и погрузил ложку в молочно месиво каши. – Я кое-что не рассказал, потому что подумал, что это может представлять опасность для кого-то, кроме меня. Но доктор, как видишь, даже не счел нужным говорить шепотом.

– Ладно, не переживай, герр Шпатц, – Крамм подцепил на вилку одну из сосисок. – Можешь не посвящать меня в подробности, достаточно того, что мы живы, и у нас есть какая-то работа. Аренберги... Хм. Это большой город, почти как Билегебен. Значит нам не придется продирааться через лес и таскать на спине рюкзаки.

– Вот только кормить будут не так вкусно, – Шпатц проглотил безвкусную кашу и сделал глоток остывшего кофе. Жидкого и кисловатого.

– Вряд ли нам придется сидеть здесь безвылазно, – Крамм принялся за вторую сосиску. – А значит к нашим услугам все пивные и рестораны, так что можно особенно не беспокоиться. Мы в воздухе уже около двенадцати часов. Значит совсем скоро должны начать снижаться.

Сверху Аренберги был похож на морскую звезду, зажавшую в двух лучах блестящую кляксу залива. В недавний свой визит Шпатц и Крамм не успели рассмотреть город, потому что поезд пришел ночью, во время комендантского часа, и до самого отбытия люфтшиффа им пришлось сидеть в карантинной зоне. Поэтому сейчас они прилипли к окну своей крохотной кают-компании и разглядывали столицу бывшего государства Кронцланд с большим интересом. В центральной и северной части возвышались монументальные небоскребы шварцландской постройки, похожие на поставленные друг на друга кубы из серого и коричневого камня. Южная и восточная части были низкоэтажной, с извилистыми зелеными улицами. Примыкающая к морю полоса была сплошь портовой – берег оштетинился множеством подъемных кранов, далеко выдающимися в море языками причалов и ремонтных доков.

– Я слышал, что кроме своей пшеницы, Кронцланд знаменит еще и китобоями, – Шпатц стоял, навалившись на стекло, глядя на быстро приближающийся город.

– В Аренберги китобои не заходят, – Крамм крутил в руках портсигар, нетерпеливо при-топывая ногой. – Киты обитают севернее.

– Здесь есть комната для курения, – Шпатц проследил за рукой Крамма.

– О нет, герр Шпатц, – Крамм засмеялся. – Я уж лучше подожду до земли. Я видел, что собой представляют курительные комнаты на люфтшиффах. Через час после начала полета ощущение от них такое, словно туда бросили гранату с фурином.

– Кажется, флюгплац совсем в другой стороне... – Шпатц проводил взглядом проплывающие далеко слева причальные башни. – Мы собираемся приземлиться в другом месте?

– Доппелю не нужны башни, – Крамм спрятал портсигар в карман и взялся за поручень, на стене рядом с окном. Только что казалось, что громоздкий люфтшифф неспешно проплывает над домами и полями, как вдруг земля стала стремительно приближаться. Заскрипели механизмы, сбрасывающий гайдропы, дважды взвывла сирена, рекомендующая всем пассажирам держаться крепче. Люфтшифф несколько раз качнулся и замер. Прибыли. В наклонное окно кают-компании теперь было видна только трава и край полосы деревьев.

– Похоже на какое-то обширное загородное поместье, – сказал Шпатц, отпуская поручень. – Надеюсь, теперь все прояснится...

– Фогельзанг? – раздался с лестницы чей-то громкий неприятный голос. – Собирайте вещи и идите за мной!

Шпатц не сразу смог определить пол говорящего. Из-за короткой стрижки и брючного костюма сначала показалось, что это мужчина. Коренастый, пухленький с высоким истеричным голосом. Но приглядевшись он понял, что имеет дело все-таки с женщиной. Она нетерпеливо притопывала, пока Шпатц и Крамм собирали свои чемоданы. Не сказать, чтобы они возились долго, но дамочку все равно заметно раздражало, что они копаются.

– Куда мы направляемся? – спросил Шпатц, спускаясь вслед за не назвавшей себя фройляйн.

– За мной, – ботинки на ногах эксцентричной дамочки тоже были мужские. – Вас ждет мобиль.

– Но мы же до сих пор не поговорили с... – Шпатц приостановился, было, но Крамм несильно ткнул его в спину.

– Не спорь, герр Шпатц, фройляйн просто выполняет свою работу!

Жилой закуток, в котором им пришлось путешествовать, находился на шестой палубе. Похоже, что у него не было какого-то специального назначения, так что про себя Шпатц его называл «семейный бокс». Нетрудно было себе представить его заполненным всеми пассажирами прилегающих кают. За столиками, примыкающими к окну, должно быть, чрезвычайно приятно попить пива и почитать газету, за центральным столом – поиграть в карты или пообедать всем вместе, а детей, если таковые летят вместе с родителями, можно отправить играть в нишу в в дальней части зала. Насколько Шпатц успел заметить, вся шестая палуба была жилой и разделенной на необщающиеся друг с другом блоки. В центральной части люфтшиффа, в помещениях без окон, располагалась «казарменная» часть, с каютами на множество спальных мест, никакой кают-компания там не предполагалось. А оба борта были поделены на разного размера кластеры. Если бы лютшифф был обычным пассажирским транспортом, то можно было бы сказать, что в центральной части расположены места третьего класса, а по бокам – второго и первого. Лестницы же в каждый из отсеков были в то же время частью несущей конструкции люфтшиффа. Боковая лестница, по которой спускались Шпатц и Крамм, шла до самого низа, но с нее можно было сойти на любой из палуб, кроме четвертой и второй, которые были надежно перекрыты непроницаемыми ширмами.

– Вы не могли бы поторопиться! – неприятный голос их провожатой звучал уже с самого низа. Шпатц постарался ускорить шаги, но быстрее у него все равно не получалось – непривычно крутые решетчатые ступеньки и тонкие перила внушали некоторое опасение. Очевидно, чтобы вот так ловко по ним бегать, требовался немалый опыт, похвастаться которым Шпатц пока не мог.

Доппель стоял на обширном поле, которое с двух сторон было ограничено ровными рядами деревьев, с третьей был забор, а с четвертой – низкое приземистое здание из красного кирпича с выдающейся вверх квадратной башней в середине. На вершине под слабым дуновением ленивого ветерка колыхался флаг с черным солнцем Вейсланда.

– Не похоже на поместье, – Крамм остановился и потянулся за портсигаром.

– У вас нет времени на перекуры! – провожатая стояла рядом с приземистым черным автомобилем и активно махала рукой.

– Ну почему вы так суровы, фройляйн...? – Крамм вздохнул и снова спрятал портсигар в карман. Женщина проигнорировала попытку познакомиться и своего имени не назвала. Вместо этого она склонилась к водителю.

– Шмайбахштрассе, двадцать, – сказала она. – Вам знаком этот адрес?

– Да, фройляйн Диммах – водитель высунул голову в окно. – Я вижу, что чемоданы у вас не большие, просто погрузите их в салон.

– Не смейте называть меня фройляйн! – заявила суровая провожатая. Шпатц почувствовал, что ее голос начинает вызывать уже физическое неудобство. Визгливые нотки, категоричный тон, какая-то общая нетерпеливость и раздраженность. Он торопливо открыл дверь мобиля, сунул чемодан между сидением и спинкой переднего кресла и забрался следом. Благо, места хватало, так что особенно высоко задирать колени не пришлось. Крамм, похоже, испытывал те же эмоции, поэтому оказался на своем сидении еще раньше, чем Шпатц. Водитель дважды нажал на гудок и круто вывернул руль.

Мобиль выехал в ворота под квадратной башней. Оказалось, что здание, казавшееся с поля просто длинным двухэтажным баракком, было много больше. Два его крыла далеко выдавались вперед, а между ними раскинулся обширный ухоженный сад. Территорию огораживал невысокий решетчатый забор. За воротами потянулись длинные извилистые улочки с невысокими частными домиками.

– Фогельзанг, да? – спросил водитель через плечо. Увидев, что Шпатц нахмурился, уточнил. – Похож на брата. Или кем там тебе приходится Адлер. Я следил за его экспедицией, у меня даже все вырезки из газет есть. Сначала даже подумал, что вы сами – это Адлер и есть.

– Мне уже говорили, что я очень на него похож, – Шпатц посмотрел в окно. Извилистые улочки сменились ровным широким проспектом. Похоже, водитель направлялся в ту часть города, которая была застроена монументальными небоскребами.

– Первый раз в Аренберги? – спросил водитель, не оборачиваясь. – Вы курите, если хотите. Я понимаю, что хочется. С такой-то суровой фройляйн!

– А что за здание мы покинули, не подскажете? – Крамм с готовностью выхватил портсигар и приоткрыл окно.

– Бывший госпиталь для психических, – ответил словоохотливый водитель. – До войны там содержали всяких шизиков и даже экскурсии водили. Я когда пацаном был, любил туда ходить и наблюдать, как они по стенам бегают и волосы друг дружке рвут. А потом его выкупила какая-то вейсландская шишка, всех психов куда-то дели, территорию расширили. Иногда туда прилетает доппель доктора, у него тут какие-то свои дела. Я сначала пытался задавать вопросы, но мне дали понять, что если буду чересчур любопытным, то работу потеряю. Ну я и перестал.

– А куда вы нас везете? – Шпатц проводил взглядом старое здание с белыми колоннами, проплывающее мимо. Ближе к центру поток мобилей и вагенов увеличился, они шли уже практически сплошным потоком. «Квадратные» дома типичной шварландской постройки перемежались с более изящными и богато украшенными старыми. Впрочем, последние выглядели чаще всего неухоженными и нуждающимися в ремонте.

– В «Грунер-хюгель», – ответил водитель, потом повернул голову через плечо и объяснил. – Это гостиница такая. Тоже довоенной постройки, наверное, самая старая во всем Аренберги.

– А... – Шпатц неопределенно хмыкнул и продолжил смотреть в окно. Город был похож и не похож на Билегебен. Если в бывшей столице Аанерсграсса прохожие предпочитали ходить в основном быстрым шагом, ни на кого не глядя, то здесь, в Кронцланде, пешеходы как будто неспешно прогуливались, то и дело останавливаясь и заговаривая друг с другом. При этом на каждой афишной тумбе и информационном щите имелся плакат в черно-красных тонах, грозно предупреждающий, что в городе введен режим комендантского часа, и появляться на улицах после заката могут только те, у кого имеется специальный пропуск. Периодически та же самая информация доносилась из громкоговорителей. Однако, похоже, что жителей это обстоятельство никоим образом не тревожило. Они выглядели расслабленными и абсолютно беспечными. Впрочем, сейчас был еще день, или даже точнее – позднее утро. Возможно, вечером ситуация кардинально поменяется. Еще одно отличие, бросающееся в глаза – это вывески. Точнее, почти их отсутствие. Если на центральных улицах Билегебена все первые этажи домов были отданы под магазины, кафе, пивные, рестораны, парикмахерские и прочие присутствен-

ные места, то в Аренберги яркие вывески, обещавшие вкусную еду или отличные услуги встречались хорошо, если на каждом пятом доме. А то и еще реже.

Мобиль свернул на неширокую улочку и остановился рядом с трехэтажным бело-желтым зданием, зажатым между двумя более высокими и громоздкими кубами. Возможно, когда-то гостиница была роскошной и возвышалась над всей улицей, сейчас краска на фасаде заметно облупилась, изящная лепнина, украшающая вход, подрастеряла былой шик. Но даже вместе со всеми этими признаками некоторого упадка, здание все еще смотрелось вполне презентабельно.

– С прибытием! – водитель повернулся всем корпусом и еще раз осмотрел Шпатца. – Эх, как же вы все-таки похожи! Незнающий человек точно бы перепутал!

«А ты, значит, знающий...» – с неожиданной неприязнью подумал Шпатц, вытаскивая на тротуар свой чемодан. Прохожих на этой улице было немного. Соседние с гостиницей здания были похожи на обычные жилые дома, вроде того, в котором поселили Шпатца в самом начале, на Тульпенштрассе в Билегебене. Водитель два раза посигналил и уехал.

– И что теперь? – Шпатц вопросительно посмотрел на Крамму. Тот пожал плечами. Дверь гостиницы распахнулась, и на крыльцо вышел пожилой мужчина, одетый в потертую бархатную униформу. Похоже, что она тоже была сшита еще до войны.

– Вы герр Шпатц штамм Фогельзанг? – спросил он, гордо распрямив неширокие плечи. Шпатц кивнул.

– Прошу за мной! – скомандовал он, распахивая тяжелую деревянную дверь. Все еще красивую, покрытую искусной резьбой и с потемневшими от времени латунными ручками.

В фойе не было стойки регистрации или чего-то подобного. Сразу после входа начиналась широкая лестница с мраморными перилами. Портье сразу повел Шпатца и Крамму на третий этаж. У дверей номера он извлек из кармана ключ с тяжелым брелоком в форме бочонка и цифрами «36». Номер был просторный, с гостиной и двумя спальнями. В гостиной имелся круглый деревянный стол на гнутых ножках, диван с полосатой обивкой и два кресла из того же гарнитура. Кроме того стояло несколько кадок с незнакомыми Шпатцу растениями с широкими темно-зелеными листьями и крупными бело-желтыми цветами. У самого выхода имелась дверь в просторную ванную.

– Если уходите, сдавайте ключ в номер десять, – портье положил ключ на полочку рядом с дверью. На ней же стоял телефон. – Вот здесь написан номер. Если вы не успеете вернуться до начала комендантского часа, звоните по нему, я вышлю за вами мобиль. Ресторан на первом этаже, от лестницы налево, если спускаетесь. Он только для постояльцев и их гостей. Приводить в номер можете кого угодно. Шуметь можете сколько угодно, здесь толстые стены, вы никому не мешаете. Уборка производится раз в три дня. На этом я откланиваюсь, можете устраиваться.

Портье удалился, прикрыв за собой дверь. Крамму немедленно развалился в кресле и придвинул к себе тяжелую хрустальную пепельницу.

– Ну что ж, такое жилье меня полностью устраивает! – заявил он, складывая ноги на диван. – Я боялся, что нас оставят на люфтшиффе, и заставят питаться в столовой, повар которой раньше, похоже, работал на свиноферме. Хотя это как-то оскорбительно... Даже хрюшек хозяева кормят лучше, чем он своих пассажиров!

– Вы слишком привередливы, герр Крамму, – Шпатц взял чемодан и отнес в свою спальню. Большую ее часть занимала широкая кровать, также там имелся вместительный гардероб с лакированными узорчатыми дверями, окно занавешено тяжелой бархатной портьерой в золотой бахромой. На всей обстановке номера, как и на здании в целом, лежал отпечаток былой роскоши. Это место явно знавало лучшие времена. Сейчас же бархат портьеры кое-где был потертым, в паре мест даже как будто трочен молью, яркие краски роскошного когда-то покры-

вала потускнели от времени, лак на гардеробе кое-где был поцарапан, а паркетный пол поскрипывал под ногами.

– В любом случае лучше жить в такой гостинице, чем ютиться на узких полках люфт-шиффной каюты, каждую ночь опасаясь, что поднимется ветер, оборвет гайдропы и утащит твой дом неведомо куда.

– Осталось понять, чем нам предстоит заниматься, – Шпатц вышел из спальни и устроился на втором кресле. – Вряд ли герр доктор привез нас сюда просто чтобы поселить в этом гнезде былого величия...

– Кстати об этом, – Крамм выпустил в потолок струю дыма и посмотрел на Шпатца. – Не хочешь рассказать, что именно ты от меня скрыл в Шриенхофе? Я так понял, что аргументы Готтесанбитерсдорфа были убедительными, но ты все еще сомневаешься... Может быть, обсудив это, мы сможем вернуть в твой разум мир?

– Собственно, я скрыл не так уж и много, – Шпатц посмотрел в потолок, украшенный по краю бордюром из лепнины, когда-то явно покрытой позолотой. – Паули притащил меня внутрь башни и откачал из моих вен довольно много крови. Потом начал вливать ее себе, что его и погубило.

– Но для чего он это делал? – Крамм потушил сигарету в пепельнице и тут же взял новую.

– По своему обыкновению он рассказал мне сказку, – Шпатц хмыкнул. – Дословно я ее уже не очень хорошо помню, но суть сводилась к тому, что виссенны появились из-за чрезмерной солнечной активности несколько веков назад. И всего типов виссенов было не семь, как утверждает доктрина о чистоте крови, а восемь. Что и отражает герб Вейсланда, кстати. И все эти знаки в лесу и в башне. И восьмой тип – это верванты.

– Это какая-то чушь, – Крамм спустил ноги на пол и откинулся на спинку кресла. – У всех виссенов есть разные противоестественные способности. А про вервантов я никогда ничего такого не слышал.

– Верванты построили эти заброшенные города когда-то, – Шпатц нахмурился, вспомнив, как светились под его пальцами знаки на столе. – Это не просто города, в них как раз и заключалась способность вервантов. Они могут... Проклятье, честно говоря, я не знаю, что именно они делают. Когда я трогал каменный стол в башне, мне казалось, что я парю над лесом и могу видеть далеко-далеко. Но эти ощущения длились всего несколько мгновений. Скорее всего, я просто понятия не имею, как именно можно было заставить сигнальную башню работать. А может быть, Готтесанбитерсдорф прав, и никакого могущества там нет и быть не может. Во всяком случае, такого, которое имело бы ценность прямо сейчас. В общем, там по сказке дальше началась война, и всех виссенов, включая вервантов, изрядно потрепали, и их жалкие остатки рассеялись по миру. А вот сейчас верванты подняли головы и вознамерились изничтожить остатки других виссенов. Чтобы остаться править всем остальным миром.

– С одной стороны, я понимаю, почему ты решил ничего не рассказывать в Шриенхофе, – задумчиво проговори Крамм, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. – С точки зрения доктрины о чистоте крови, приравнивание вервантов к виссенам звучит как чудовищное преступление. С другой... Даже если на мгновение допустить, что это не плод больного воображения герра Паули, то что это сейчас меняет?

– В каком смысле? – Шпатц тоже потянулся за портсигаром, хотя курить ему особенно не хотелось.

– Вот есть эта сказочка, рассказанная тебе ночью в каких-то пыльных развалинах в диком лесу, – Крамм взмахнул сигаретой как дирижерской палочкой. – Пусть даже сказочник этот действительно состоит в какой-то грозном тайном обществе на службе государства.

– Энфернегрэнц, – подсказал Шпатц.

– Ну да, – Крамм небрежно махнул рукой. – Допустим, он нашел какую-то там информацию, доказывающую, что верванты и виссенны – горошины из одного стручка. Допустим даже,

что это так. И что кровь вервантов тоже дает какую-то замысловатую реакцию, если капнуть в нее какую-то особенную сыворотку. Тогда в темном лесу это звучало откровением и очень важной и страшной информацией. А сейчас? Мы погрузились в допбель и пересекли половину материка, наша страна ведет войну на два фронта, сбрасывая на головы противников бомбы, к силам виссенов, заметим, не имеющие никакого отношения, а политики в это время занимаются своими сложными дипломатическими играми. Также, опять таки, не имеющими никакого отношения к анализам крови и древним сказкам. Фабрики производят товары. На биржах крутятся всякие процессы. Рестораны кормят, швеи шьют, портье приносит ключи. Это мир без виссенов, понимаешь?

– А как же доктрина о чистоте крови? – Шпатц хмыкнул.

– Скажи, со сколькими виссенами ты знаком? – Крамм подался вперед. – Флинк, Вологолак, Сигилд... Ну, еще наверное, Болдер, если ты уверен, что он виссен.

– Сигилд... – Шпатца передернуло. – Да уж.

– Если бы у них не было их особых способностей, они были бы хорошими людьми? – спросил Крамм и выжидательно уставился на Шпатца.

– Флинк... – Шпатц помолчал. Собственно, особо думать было не о чем. Да, вспоминать о последних мгновениях жизни Флинка было не очень приятно, но, положив руку на сердце, был ли он настоящим другом? Можно ли ему было доверять, после всех тех историй, в которые он постоянно Шпатца втягивал?

– Собственно, я не то, чтобы ярый сторонник непримиримой жестокости доктрины о чистоте крови, – Крамм задумчиво потер переносицу. – Иногда мне кажется, что этот закон все-таки слишком категоричен... Но кто из знакомых тебе виссенов не заслужил дрянного отношения к себе?

– Разве что Болдер, – задумчиво проговорил Шпатц.

– Про которого ты до конца не уверен, что он виссен, – Крамм бросил окурочек в пепельницу. – Кстати, ты спросил о нем у Кальтенкорбла?

– Не успел, – Шпатц развел руками. – Все слишком быстро завертелось.

– Собственно, я это к тому, что мир сейчас вовсе не крутится вокруг виссенов, – сказал Крамм. – Поэтому совершенно неважно, правдива эта сказочка или нет. Нынешнее могущество вервантов держится вовсе не на каких-то там мистических особых способностях. А на экономике, политике и военной мощи. Вот это, как мне кажется, и пытался тебе сказать герр доктор.

– Сейчас это звучит очень логично, да, – Шпатц кивнул и опустил глаза.

– Я тебя все еще не убедил бросить идею организации очередной экспедиции в какой-нибудь из заброшенных городов или подавать немедленное прошение о том, чтобы тебя зачислили младшим хелфером в Энфернегрэнц? – Крамм засмеялся.

– Что ж... – Шпатц поднял взгляд на Крамма. – Пожалуй, все и правда так. Возможно, я просто чересчур впечатлительный, да и ситуация была... В общем, предлагаю оставить эту тему, благо у нас есть и другие поводы для беспокойства. Например, нам бы неплохо уже подумать об обеде, а мы все еще не знаем, что именно от нас хочет герр доктор. И должны ли мы ждать указаний, сидя в своем номере.

– Думаю, никакого вреда не будет, если мы спустимся на разведку в ресторан, – Крамм с готовностью вскочил.

Ресторан казался небольшим и довольно уютным, если это слово может быть применимо к заведению, когда-то блиставшему весьма даже впечатляющей роскошью. Продолговатое помещение с позолоченной лепниной на потолке было поделено на небольшие ниши, в каждой из которых стоял стол на восемь персон. Широкие кресла на гнутых ножках способны были вместить зад любого объема, внушительная люстра на потолке сделала бы честь любому дворцу, если бы несколько хрустальных подвесок не потерялись, а остальные не утратили свой

первоначальный блеск. Кроме того, сейчас она не горела, а функции светильников выполняли небольшие настольные лампы под мозаичными абажурами, которые были немного чужды изначальной задумке интерьера, но сейчас делали тронутое тленом величие весьма уютным. Официант тоже подходил под категорию «былая роскошь». Когда-то он явно был одним из первых красавцев Аренберги, высоким и статным, с пышными усами и гордым лицом. Но с тех пор прошло уже много лет и война, которые оставили свои неизгладимые следы на его внешности. Он прихрамывал, одно плечо было выше другого, то ли из-за ранения, то ли из-за болезни, а правую щеку изуродовал неровный шрам от ожога. Шевелюра и усы поседели и поредели, блеск в глазах сменился на тоскливую готовность услужить.

– На обед овощной суп и куриные кнели, – скучным голосом проговорил официант. – Желаете вино или пиво?

– Темное пиво? – с надеждой спросил Шпатц.

– Только светлое, – с виноватым видом ответил официант. – Прошу прощения, наш повар приболел, а быстро найти замену мы не успели. У нас не очень много посетителей в этом сезоне.

– Тогда чай, – Шпатц вздохнул.

– Кажется, этот ресторан не станет нашим любимым заведением, – Крамм проводил официанта взглядом. – Куриные кнели? Это что такое вообще?

Долго ждать ответа на пришлось. Не прошло и пяти минут, как официант выкатил из-за ширмы сервировочную тележку. Кнели оказались невыразительными комками куриного фарша в белесом соусе. Впрочем, овощной суп был на вкус неплох, во всяком случае, гораздо лучше, чем на вид. Эти убогое угощение смотрелось еще более жалко на роскошных тарелках из расписанного золотыми узорами фарфора. Которые остались, по всей видимости, с тех давних времен, когда «Грунер-хюгель» был образцово роскошной гостиницей.

– Боюсь, что нам придется после обеда сходить еще куда-нибудь пообедать, – Крамм поковырял тяжелой серебряной вилкой одну из кнелей. Та легко распалась на две половины. – Даже в тюрьме кормили лучше...

Крамм сделал глоток красного вина. Задумчиво посмотрел на свой бокал.

– Кислое? – спросил Шпатц обмакивая кусочек хлеба в жидкий соус.

– Кстати, неплохое, – Крамм хмыкнул. – Впрочем, может это мне на фоне всего остального так кажется. Я всегда считал, что уж в регионе, который снабжает провизией Вейсланд и Шварцланд должны знать толк в еде! Но это же... это...

– Кстати, а что вообще известно о Кронцланде? – спросил Шпатц, чтобы отвлечь анвальта от обсуждения качества местной пищи.

– Давайте я вам отвечу на этот вопрос, герр штамм Фогельзанг! – рядом с их столиком неожиданно возник доктор пакт Готтесанбитерсдорф. Рядом с дверью замерли две фигуры в черных мундирах – личная охрана, не иначе. – Приятного аппетита, герр Крамм!

Крамм кисло улыбнулся и сделал еще глоток вина.

– Вообще-то Кронцланд сложно было назвать единой державой, – На севере правила задавал Вальфангерберг, на западе – Аренберги, южная граница – сплошные фермерские поля и пастбища, а на востоке два конкурирующих между собой промышленных центра – Бетриб и Гругберг. И при всем этом территория его огромна, почти как весь остальной Шварцланд целиком. Кронцланд объявил себя, собственно, единым государством, всего лет пятьдесят назад. Изначально кайзер собирался захватить два промышленных центра и остановиться на этом. Но война как-то затянулась, так что пришлось драться до победного, в смысле – до Вальфангерберга. Впрочем, в отличие от остальных войн, особых разрушений здесь устраивать не пришлось, местное население восприняло завоевание с меланхолией настоящих тружеников сохи – им совершенно без разницы, на кого пахать. Но при этом здесь довольно строгие нравы. Они косо смотрят, если женщины занимаются чем-то, кроме дома и семьи, проституция запрещена

категорически, как и любые эротические шоу. Есть люди тоже предпочитают дома. Вы же заметили, как мало здесь заведений?

– То есть, этот город может оказаться еще скучнее Шриенхофа? – Крамм одним глотком допил вино и быстро схватил графин, чтобы наполнить свой бокал вновь.

– О нет, герр Крамм, это только так кажется! – Готтесанбитерсдорф подмигнул, глянув на анвальта поверх очков. – Это все означает всего лишь, что настоящая жизнь в этом городе скрыта и очень хорошо спрятана. Невзирая на обещания страшных кар и всеобщего порицания, здесь самые развратные бордели, кроме того, как утверждают весьма знающие источники, именно в Аренберги базируются самые крупные студии порнографических фильмов и карточек. Игорные дома прячутся в подвалах и на чердаках, а хорошие рестораны с вкусной едой и выпивкой – за вывесками библиотек и женских клубов. Так что вам предстоит узнать немало нового!

– Это немного успокаивает, конечно, – Крамм осторожно поставил хрустальный графин на место. – А в чем будет состоять наша работа?

– Об этом мы с вами поговорим чуть позже, герр Крамм, – доктор указал острым подбородком на недоеденные Краммом кнели. – Когда вы закончите свой обед, и мы поднимемся в ваш номер.

– Ваша искрометная ирония почти довела меня до слез, герр пакт Готтесанбитерсдорф, – Крамм поднялся. – Я готов разве что взять с собой в номер еще вина.

– Нет-нет, не стоит, – доктор всплеснул длинными руками. – У меня есть с собой кое-что, что, надеюсь, скрасит нашу с вами беседу. Так что если вы готовы, мы можем идти. Герр штамм Фогельзанг?

Шпатц отодвинул от себя тарелку с кнелями, которые, как он ни старался, не смог осилить. Блюдо было настолько пресным, что казалось, что жуешь перемолотые тряпки, политые мукой, растворенной в воде. На мгновение ему стало совестно перед официантом. Он даже поискал глазами какую-нибудь емкость, куда можно вывалить недоеденное, чтобы хотя бы сделать вид, что им понравились эти кушанья. Как в детстве, когда Джерд пичкала его своей обожаемой пшеничной кашей, которую он терпеть не мог. Тогда он вываливал месиво в цветочную кадку и присыпал сверху землей. К счастью, растение было неприхотливым, и стряпня Джерд ему никак не повредила. Так что никто не разбирался, куда исчезает еда с его тарелки. Помнится, это было первым опровержением истины, которую родители любят вбивать в головы своих чад. Оказалось, что далеко не все тайное становится явным. Присыпанная землей каша так и осталась тайной Шпатца.

– Ты хочешь что-то еще, герр Шпатц? – уже направившийся к выходу Крамм обернулся.

– Нет-нет, – Шпатц усмехнулся. – Просто кое-что вспомнилось.

Готтесанбитерсдорф вошел в номер первым и уверенно развалился на диване. Один из его «униформистов» снял с плеча сумку, и на столе появилась бутылка хереса, сверток с тонкими сухими колбасками и блюдо с яблоками и грушами.

– Герр Крамм, там возле окна должен быть небольшой шкафчик, – длинный палец доктора указал на панель из резного дерева, которую Шпатц раньше принимал за простое украшение интерьера. – Там должны быть бокалы, стопки и прочие нужные вещи. Вас не затруднит...

Крамм извлек хрустальные рюмки, тонкие фарфоровые блюдца и ножи для фруктов.

– Герр штамм Фогельзанг, прошу прощения, что не захватил темного пива, – доктор широко улыбнулся. – Я знаю, что вы предпочитаете темное, но рекомендую все же попробовать при случае местное белое пшеничное. Возможно, оно не станет вашим любимым напитком, но оценить вы его сможете.

– Обязательно, герр пакт Готтесанбитерсдорф, – Шпатц присел на кресло, глядя как темно-янтарная жидкость наполняет искрящийся хрусталь. Правда, нетерпение он испытывал

не по поводу напитка, больше всего ему хотелось, чтобы доктор уже поведал им, для чего случилась все это спешное бегство из Пелльница, и чем им предстояло заниматься здесь.

– Итак, мои дорогие, – доктор посмотрел на окно сквозь свою рюмку, потом смочил в напитке губы и поставил ее обратно на стол. – Вы уже бывали в Аренберги?

– Только проездом, несколько дней назад, – ответил Шпатц, сжимая в пальцах хрустальную ножку своей рюмки.

– Как иронично, что вам пришлось почти сразу сюда вернуться, – доктор сдвинул крохотные очки на кончик носа. – Однако, перейдем к делу. Что вам известно о коренных обитателях архипелагов?

Глава 2

Bin nie zufrieden

Es gibt kein Ziel Gibt kein Genug

Ist nie zuviel

All die andern Haben so wenig

Gebt mir auch das noch

Sie brauchen's eh nicht

(Я никогда не удовлетворен

Предела нет, нет такого слова – «хватит»

Никогда не бывает «слишком много»

У других есть лишь такая малость

Но и ее пусть отдают

Им это не нужно)

Mehr – Rammstein

– На всякий случай я повторю, чтобы осознать, правильно ли я вас понял, герр пакт Готтесанбитерсдорф... – нарушил Шпатц недолгое молчание. – Вы предлагаете нам найти в Аренберги торговцев живым товаром, чтобы те обеспечили ваш летающий госпиталь достаточным количеством... гм... материала для исследований?

– Все именно так, как вы и сказали, герр штамм Фогельзанг, – доктор энергично кивнул. – Вас что-то смущает?

– В некотором смысле, да... – Шпатц покрутил в пальцах рюмку шерри. – Я всегда считал себя весьма законопослушным человеком. А это задание несколько... эээ... вольно обращается с этим понятием. Разве на территории Шварцланда не запрещена торговля людьми?

– Ах вот вы о чем... – доктор побарабанил пальцами по столу. – Я мог бы сейчас устроить философский диспут на тему большего и меньшего зла. Или провести вам экскурс в работу некоторых секретных и не очень служб. Или, скажем, спросить, как вы относитесь к работе разведки. Но я уверен, что если вы хорошо все обдумаете, то сможете придумать аргументы для усыпления вашей законопослушной совести не хуже меня. Однако дела обстоять именно так, как я вам и сказал. В ближайшее время в порту Аренберги причалит лайнер с гостями из Карпеланы. Послы договорились, дипломатические и экономические тонкости достигнутых соглашений вас особенно волновать не должны, кроме одного – островитяне теперь могут спокойно разгуливать по улицам без особого сопровождения. Пока только на территории Аренберги. Моя задача – выяснить, насколько безопасны эти аборигены в чисто биологическом плане. Если я просто схвачу несколько представителей этнически коренного населения Карпеланы, это вызовет трения и сложности в только что установленных отношениях. Поэтому я взял с собой вас. Думаю, у герра Крамма эта задача не вызывает никаких морально-этических терзаний? Насколько я слышал, у вас уже был опыт в подобных делах.

– Не могу сказать, что горжусь этим... – Крамм задумчиво посмотрел в окно.

– Кажется, вы тоже хотите возразить мне, герр Крамм? – доктор подался вперед, глаза его угрожающе сверкнули.

– Нет-нет, ни в коем случае, герр пакт Готтесанбитерсдорф, – торопливо ответил Крамм. – Я всего лишь предлагаю перейти к деталям и нашим полномочиям. Как, например, насчет ночных пропусков? Нам так или иначе придется посещать значные места, а они все, традиционно, работают исключительно в ночное время...

– О, разумеется, я позаботился о таких вещах! – доктор шелкнул пальцами, и один из его «черномундирников», стоявший до этого неподвижно возле двери, немедленно приблизился и положил на колени Готтесанбитерсдорфу кожаную папку. – Что касается документов... Это ваши ауслассунги первого типа, что означает, что вам можно находиться на улицах в любое время дня и ночи, – жестом фокусника Готтесанбитерсдорф извлек из папки две темно-синие книжечки и положил их на стол. – Кауфенгелд. Здесь девять тысяч марок, если требуется больше, вам следует позвонить вот по этому номеру телефона и назвать сумму, – рядом с ауслассунгами на стол легли три пачки марок в банковской упаковке и небольшая картонная карточка, на которой были только буквы и цифры телефонного номера. – А это чековая книжка, если потребуются оперировать рентмарками или роггенмарками. Вы знакомы с этими понятиями, герр Крамм?

– В общих чертах да, – анвальт взял со стола одну из картонных книжечек. – Мы должны действовать под своими именами?

– Вас это смущает? – доктор широко улыбнулся, его пристальный взгляд уперся в лицо Крамма.

– Ничуть... – Крамм пожал плечами. – Просто почему-то подумалось, что поддельные личности для такого задания были бы логичнее...

– На поддельных личностях и их внедрении специализируется ведомство герра пакт Кальтенкорбла, а не мое, – доктор развел руками. – То есть, я мог бы подсуесться и выбить вам поддельные аусвайсы, но во-первых, у меня было не так много времени, а во-вторых – это на самом деле не очень-то и нужно. Кстати, еще кое-что... – Доктор снова запустил свои длинные пальцы в папку и выложил на стол еще один предмет. Ключ с литым металлическим брелоком в форме хищной птицы. – Этот ваген может вам потребоваться для транспортировки. Оборудован он должным образом.

– А как насчет обычного мобеля? – спросил Шпатц, лицо которого больше не выглядело озабоченным, а в глазах даже засветился огонек азарта.

– Я думаю, вы как-нибудь самостоятельно решите этот вопрос, – доктор поднялся с кресла. Показалось, что его длинная фигура сразу же заняла все свободное пространство гостиной. Сверкнули крохотные красные очки. – Вроде бы мы обговорили все вопросы. В экстренном случае вы всегда можете приехать ко мне в госпиталь. Покажите ваши ауслассунги, и вас пропустят. Есть еще вопросы?

– Разве что... – Шпатц почувствовал, что кончики его ушей покраснели. – Мы в этом городе новички, может быть, вы знаете какое-нибудь место... с которого нам следует начать?

– Как вы можете у меня такое спрашивать, герр штамм Фогельзанг? – доктор с деланным возмущением всплеснул своими длинными руками. – Я законопослушнейший человек, разве я могу посещать какие-то криминальные притоны? – И он громко захохотал, запрокинув голову. – На этом позвольте откланяться! Герр Крамм! Герр штамм Фогельзанг! Желаю удачи!

Готтесанбитерсдорф быстрыми шагами вышел за дверь, предупредительно открытую перед ним одним из его охранников. Или адъютантов? Или их следовало называть как-то иначе? Шпатц проводил взглядом черные спины их мундиров и перевел взгляд на все еще полную рюмку черри. Их форма напоминала военные мундиры, но армейских знаков различия на ней не было. Эксцентричный доктор одел таким образом своих санитаров?

– Вообще-то у меня было к нему еще несколько вопросов, – задумчиво проговорил Крамм, глядя на лишь слегка початую бутылку шерри. – Но задавать их я не решился. От этого доктора у меня колени превращаются в кисель.

– Он забыл уточнить, что сделает с нами в случае неуспеха, – Шпатц хмыкнул и одним глотком выпил содержимое своей рюмки, даже не почувствовав вкуса.

– Вряд ли тебе грозят какие-то серьезные последствия, герр Шпатц, – Крамм тоже сделал глоток. – Скорее всего, тебя просто вернут твоей тетке Бригит и позволят ей, наконец, реализовать ее матримониальные планы, от которых ты опять так ловко увернулся.

– Похоже, у нас нет выхода, герр Крамм, – Шпатц усмехнулся и встал. – Придется с блеском выполнить поручение доктора.

– На самом деле меня больше волнует другой вопрос, – Крамм тоже опустошил свою рюмку и потянулся за колбаской. – Насколько далеко мы можем зайти в нарушении законов в процессе выполнения поставленной задачи?

Шпатц задумался и коснулся кобуры на своем боку. Почему-то вспомнил лицо со сбившейся набок маской. Хмыкнул. Потянулся за бутылкой и наполнил свою рюмку снова.

– Впрочем, на самом деле ответ совершенно не важен, – Крамм подставил свою рюмку ближе. – Кстати, хочу напомнить, что мы до сих пор нормально не пообедали. Можем совместить приятное с началом работы.

– Поищем подпольный ресторан с вкусной едой? – Шпатц завинтил крышкой бутылку и убрал ее в шкафчик за резной панелью. – Мне кажется, что нам неплохо бы купить карту города, а то пока я очень плохо себе представляю Аренберги, а нам бы неплохо очень быстро в нем освоиться...

– Значит, с этого и начнем! – Крамм приподнял рюмку. – Твое здоровье, герр Шпатц.

Найти книжный магазин оказалось гораздо проще, чем ресторан. Пришлось всего лишь вывернуть с тихой Шмайбахштрассе на широкую Маритимштрассе и пройти пару кварталов в сторону порта. Магазин занимал весь первый этаж жилого дома, и кроме, собственно, книг, там продавались газеты, модные журналы, тетради, учебные пособия, бланки, в общем, все то, что делалось из бумаги. Впрочем, несмотря на просторность помещения, ассортимент был довольно скудным. Практически не было фривольных романов и детективов, которыми зачитывались жители Билегебена, зато несколько книжных шкафов были заставлены разными версиями книг по кулинарии и домашнему хозяйству. Крамм взял большую карту города, свернутую в рулон и две небольших карманных. Потом добавил коробку булавок с разноцветными головками, несколько больших тетрадей, и по паре экземпляров всех местных газет. Их оказалось девять.

– Герр Крамм, а зачем нам может потребоваться газета брачных объявлений? – Шпатц пробежал глазами по первой странице «Хохцайтс-цайтунг». – Мы собираемся устраивать свою личную жизнь?

– О, ты даже не представляешь, как много можно узнать из подобных газет! – Крамм положил в корзинку тонкую книжечку «Путеводителя по главным достопримечательностям Аренберги», потом подумал и добавил еще «Обзор городских правил приличия». – Вот теперь, думаю, достаточно для первого раза! Осталось найти, где здесь продается пиво, и нам обеспечен интереснейший вечер.

Крамм направился к кассе, прихватив на полке с канцелярскими товарами десяток карандашей, точилку и ластик.

– Милая фройляйн, – Крамм поставил перед кассиршей изрядно потяжелевшую корзину с покупками. – Мы здесь совсем недавно, может быть, вы подскажете какое-нибудь приятное место, где мы с приятелем могли бы выпить пива и пообедать?

– Пить пиво до заката – это дрянная привычка, – кассирша была молодая, но никак не подходила под определение «милая фройляйн». Она была одета в скучное серое платье, застег-

нутое на все пуговицы до самой шеи. Мышиного цвета волосы были стянуты канцелярской резинкой в пучок на затылке. Лицо было плоским, блеклым и совершенно невыразительным.

– Так я же вроде и не сказал, что мы собираемся пить пиво до заката, – Крамм подался вперед, мило улыбаясь.

– А после заката выходить нельзя, у нас коменданский час, – пробубнила кассирша. – С вас три марки и и сорок клейнов.

– Но обедать-то, надеюсь, это хорошая привычка? – Шпатц извлек из портмоне купюру в пять марок и протянул девушке.

– Добрые люди обедают дома, – ответила девушка, отсчитывая монетки сдачи.

– Оставьте себе, милая фройляйн, – улыбка Крамма потускнела. – За ваш, так сказать, неоценимый труд.

– Я не нуждаюсь в подаяниях, – голос девушки был настолько невыразительным, что было непонятно, возмущена она «чаевыми» Крамма, раздосадована, что мало, или просто зачитывает текст с карточки, закрепленной где-то на стене у Крамма над головой. Шпатц подавил смешок и стал складывать газеты удобной для переноски пачкой.

– Тогда может быть... – начал Крамм, потом махнул рукой, сгреб мелочь из тарелочки и ссыпал себе в кошелек. Рассовал по карманам мелкие покупки, взял свернутую рулоном карту и направился к выходу.

Вторая попытка найти едальное заведение оказалась чуть более успешной. Оставив дома ворох бумаги, Шпатц и Крамм изучили карманную карту и направились в сторону местечка с многообещающим названием «Гегрильтес-фляйш». Оно оказалось небольшим подвальчиком в большом доме на углу Маритим-штрассе и Дуйгхених. Только вот пиво там тоже было только светлое, а обещанное названием мясо было сухим и жестковатым. Впрочем, к этому моменту Шпатцу было уже почти все равно, он был даже уже почти согласен признать едой давешние кнели и попросить добавки в ресторане их гостиницы.

– Меня не отпускает ощущение некоторой нереальности происходящего, герр Шпатц, – Крамм отхлебнул жидковатое светлое пиво из своего стакана. – Не то, чтобы я был большим знатоком географии, но когда наш люфтшифф снижался, я своими глазами видел, что Аренберги – город немаленький. Газеты наперебой называют Кронцланд кормящим регионом. И вот мы здесь, и что?

– Что? – Шпатц с силой надавил на тупой нож, отрезая очередной ломтик жесткой жареной говядины.

– Они всю вкусную еду отправляют в какие-то другие места? – Крамм принялся с усилием жевать.

– Просто нам пока не повезло, – философски отметил Шпатц, покосившись на свой стакан с пивом. Вдохнул. Сделал глоток. Увы, чуда не произошло, пиво мало того, что было светлым, так его, похоже, еще и разбавили. – Впрочем, вы правы. Начало нашей миссии я тоже готов признать неудачным. Знаете что, герр Крамм? Предлагаю найти продуктовый магазин, купить хлеба, сыра и пива и вернуться в гостиницу. Может быть, если мы изучим город повнимательнее, то у нас получится лучше?

– А ты видел где-то по дороге продуктовые магазины? – Крамм иронично усмехнулся. – Впрочем, мы всегда можем спросить...

Анварьт встал и направился к стойке. Официантов в этом ресторане не предполагалось, еду выдавал рослый юноша, дежуривший у окна раздачи. Шпатц проводил Крамма взглядом и грустно вздохнул, вспомнив пиво и мясо в подвальчике фрау Вигберг. Размером «Гегрильтес-фляйш» был очень похож на его первый бар в Билегебене, но на этом сходство заканчивалось. Из посетителей, кроме них с Краммом был только один неприветливый старик, угрюмо зыркавший на них из-за столика в углу, никаких шелестящих бусин на входе и уютных тусклых светильников. Стены выкрашены унылой грязно-зеленой краской, под потолком горят три

ярких лампочки в «больничных» абажурах в форме шаров. Единственное украшение интерьера – плохая репродукция какого-то морского пейзажа в дешевой рамке на стене. Впрочем, эта картина только подчеркивала общую убогость обстановки. Поговорив с юношей на раздаче, Крамм вернулся за стол.

– Ну что ж, кое-что выяснить мне все-таки удалось, – Крамм сделал еще глоток пива, сморщил нос и отодвинул стакан в сторону. – Правда, не могу сказать, что я невероятно рад, тому, что узнал. Оказывается, продукты здесь принято закупать на марктплацах. В городе их несколько, но этот милый юноша знает всего два – тот, на который ездит хозяин этого кафе на закупки, и второй, куда ходит его мать.

– Марктплац? – переспросил Шпатц. – Это что-то вроде сельской ярмарки?

– Похоже, что не совсем, – Крамм достал из кармана портсигар, поискал глазами пепельницу и наткнулся на табличку «КУРИТЬ ЗАПРЕЩЕНО!». Спрятал портсигар обратно в карман и криво ухмыльнулся. – Городской совет Аренберги решил, что открывать магазины, парикмахерские и прочие присутственные места в любом месте – это непорядок, бардак и ведет к хаосу и лености простых обывателей. Поэтому в городе было выделено несколько мест, где любой желающий может открыть свой магазин или, скажем, прачечную.

– А это место как же? – Шпатц обвел взглядом убогую обстановку «Гегрильтес-фляйш».

– А заведения вне марктплацев открываются строго по квоте и принадлежат городским властям, – Крамм развел руками.

– Хм... – Шпатц нахмурился. – И как же принято добираться до этих удивительных мест концентрации товаров и услуг?

– На маршрутном ластвагене, – ответил Крамм. – Причем они бесплатные.

– Знаете, герр Крамм, моей первой мыслью было немедленно выхватить крупную купюру и помахать ей перед дорогой, чтобы поймать удобный мобиль и домчать до места, не толкаясь среди несчастных кронцландцев, которые не могут даже просто горячую булочку купить, не устраивая из этого целую продуктовую экспедицию, – Шпатц криво усмехнулся. – Но, думаю, это будет неправильно. Нам же нужно узнать город, верно?

– Не уверен, что хочу узнавать город с этой стороны, – проворчал Крамм. – Что это с тобой? Ты решил как король из сказок одеться в штатское и прочувствовать жизнь народа изнутри?

– А вы считаете, что это лишнее, герр Крамм? – Шпатц подмигнул. – Если нам не понравится, мы в любой момент можем покинуть ластваген и перейти к маханию крупной купюрой на дороге.

К счастью, опасения не оправдались. Движение ластвагенов работало как отлаженный механизм – в салон запускали ровно столько пассажиров, сколько было посадочных мест, затем ваген уезжал, и его место тут же занимал следующий. Очередь на остановке, сначала показавшаяся Шпатцу и Крамму бесконечно длинной, двигалась быстро, не прошло и четверти часа, как они сидели на своих местах, и ластваген вез их по широкой улице, отведенной исключительно под движение ластвагенов, в сторону ближайшего марктплаца с гордым названием Гольденштир.

Пока Крамм закреплял при помощи булавок карту города на стене гостиной, Шпатц достал из-за резной дверцы два высоких стакана и свернул пузатой бутылке из темного стекла крышку. Темная жидкость зашипела и поднялась густой шапкой белой пены. Шпатц взял стакан и сделал глоток. Зажмурился.

– После сегодняшних приключений я уже готов признать, что это самое вкусное темное пиво, которое я пробовал в жизни, – Шпатц сделал еще глоток.

– Не увлекайся, герр Шпатц, – Крамм спустился с кресла, и пододвинул его обратно к столу. – Нам сегодня еще предстоит проштудировать местную прессу и составить черновой вариант плана дальнейших действий.

– Вот теперь я полностью готов к напряженной работе, – Шпатц приподнял стакан. – Когда уверен, что нам не грозит голодная смерть.

– Тогда начни с «Аренберги-цайтунг», – Крамм взял из пачки газет самую верхнюю и кинул Шпатцу на колени. – А я пролистаю вот эту...

Шпатц наискосок прочитал передовицу, которая, разумеется, была посвящена ходу боевых действий. Если пропустить общие слова, то, кажется, на южном и восточном фронтах наметилось напряженное затишье. Шпатц перелистнул страницу. Пробежался глазами по списку пленных, не стал читать интервью с министром сельского хозяйства и продовольствия. На сегодня ему было достаточно впечатлений из этой области. Тем более, что сам министр, Отто штамм Сигмарингер, никогда не был в Аренберги, а сейчас задача перед ними стояла как можно больше узнать именно об этом городе. На третьей странице было обращение временно исполняющего обязанности главы Городского Совета Аренберги Геца Гогенцоллена. Судя по фотографии, это был благообразный седобородый мужчина. Совсем даже не старый, несмотря на седину. Он призывал жителей проявить гостеприимство и терпимость, поскольку «наш родной город становится воротами новой дружбы и добрососедства». Он разливался в потоках сладкой лести горожанам, рассказывая им, какие они удивительные, чуткие и радушные люди. Что он горд и счастлив, что именно им выпала честь стать лицом всего Шварцланда перед «отсталыми и несчастными жителями архипелагов, проведшими долгие годы в вынужденной изоляции». Шпатц хмыкнул. Посыл был ясен – скоро в Аренберги прибудет лайнер с иностранными туристами, которых вы, деревнщины, никогда не видели, так что сделайте лица попроще и больше улыбайтесь. И постарайтесь как можно меньше трепать языками, ну, то есть «будьте сдержанными в выражении своих чувств и вежливы, помните, что умеренность и здравомыслие всегда были нашими главными достоинствами». Шпатц открыл тетрадь и записал имя и должность автора обращения и перелистнул страницу.

– Хм, знаешь, что странно, герр Шпатц? – Крамм поднял взгляд от газетных страниц, заполненных длинными колонками объявлений. – Очень много объявлений о продаже ткани. В этом разделе гораздо больше объявлений, чем в любом другом. Продают рулонами, отрезами, лоскутами, в каждом объявлении уточняют размеры и цвет. Или покупать готовую одежду здесь тоже считается дрянной привычкой, или это какой-то код для знающих людей.

– На маркtplац были магазины одежды, – Шпатц закрыл газету и потянулся за следующей. – Я обратил внимание, потому что подумал, что нам может понадобиться обновить гардероб. У нас было мало времени на сборы, так что я заметил салон «Хеккер и Кош» и подумал, что надо бы в следующий раз туда заглянуть.

– Ты хочешь сказать, что собираешься навеститься в Гольденштир еще раз?! – Крамм потянулся за своим стаканом. – Я надеялся, что одного раза вполне достаточно для знакомства с городской спецификой.

– Я отложу этот разговор до завтра, герр Крамм, – Шпатц подмигнул. – Когда официант принесет нам на завтрак затвердевшую манную запеканку и кофе из луковой шелухи.

– Знаешь, герр Шпатц, сейчас эта шутка звучит довольно смешно, – Крамм сделал еще глоток пива и поставил стакан на стол. – Кстати, здесь неожиданно есть театры. Целый разворот посвящен анонсам спектаклей на разных сценах.

– Значит нам тем более нужна новая одежда, – Шпатц развернул газету и хмыкнул. – Газета называется «Семь добродетелей». Что это еще такое?

Издание было небольшим, всего четыре полосы. Сегодняшний номер был посвящен благоразумию. На первой странице был пространственный философский текст о том, что делает человека хорошим или плохим. И в качестве одного из «кирпичей» фундамента «хорошести» редактор предлагал рассматривать благоразумие. В смысле умение извлекать уроки как из своего прошлого, так и из опыта других людей. «Зачем я читаю этот бред?» – подумал Шпатц и перевернул страницу. На развороте было шесть статей, каждая из которых была посвящена

одному человеку, который как раз и рассказывал, как проявленное вовремя благоразумие спасло от опасных ошибок в жизни.

– Герр Крамм... – Шпатц замер и присмотрелся внимательнее. – Вот этих двоих я знаю. Крамм встал с кресла и тоже склонился над разворотом добродетельной газеты.

– Это же Гем Бенингсен! – анвальт ткнул пальцем в круглое лицо с парой лишних подбородков и чуть косящим правым глазом. – Редактор и издатель «Штимме» из Билегебена! А кто второй?

– Отто Вишеринг, – Шпатц ткнул в фотографию улыбающегося седовласого доктора. Правда, он его видел одетым в купальный халат, а здесь на нем был элегантный пиджак в тонкую полоску. Но это был он, вне всяких сомнений!

– Вишеринг... Вишеринг... – Крамм задумчиво почесал подбородок. – Ах да! Знаменитый знаток «стыдных» болезней, родной отец всех мужеложцев и проституток. Хм... А откуда ты его знаешь, герр Шпатц?

– Разве я не рассказывал? – Шпатц удивленно взглянул на Крамма. – Мы познакомились на приеме у Лангермана. В пансионе Унгебунден. После которого герр Фуггер явился ко мне с угрозами, а Флинка пытались завербовать в антивоенный заговор.

– Честно говоря, я считал, что вся эта интеллигентная компания находилась под теплым крылышком твоего дяди Дедрика, – Крамм сел обратно на свое кресло. – Кстати, он больше не выходил с тобой на связь?

– Нет, – Шпатц покачал головой. – Стыдно признаться, но я был бы рад получить известие о его внезапной смерти.

– А остальные лица тебе не знакомы? – Крамм кивнул на лежащую на коленях у Шпатца газету.

– Вроде бы нет, – Шпатц еще раз присмотрелся. Потом взял карандаш и записал оба знакомых имени в тетрадку. Читать скучные тексты сразу стало интереснее. Имена своих героев газета не раскрывала. Доктор Вишеринг анонимно рассказывал со страниц газеты историю о пациенте, который предлагал ему большую сумму денег за сохранение его недуга в тайне. Пациент клятвенно заверял, что никак не мог заразить никого своей болезнью, поскольку вел очень сдержанный образ жизни, а подхватил «стыдную» болезнь в общественной бане. Технически, такое было, конечно, возможно, но доктор все же решил проверить слова пациента, и обнаружил, что во-первых, его супруга, с которой он просил не связываться, уже год как мертва, а во-вторых – он вовсе не тот, за кого себя выдает. Доктор благоразумно подключил к делу полицаев, и когда странный пациент пришел на прием в следующий раз, то его уже ждал детектив, который безуспешно разыскивал этого преступника уже не первый год. Вот так благоразумие помогло раскрыть несколько убийств, а также спасло от позора юную девушку, падчерицу того пациента. Потому что если бы доктор взял деньги и оставил все в тайне, то ее болезнь очень скоро обнаружила бы себя, и...

История Бенингсена была гораздо банальнее – он просто не позволил своей дочери выйти замуж за проходимца, который казался ей дерзким и особенным. С тех пор прошло несколько лет, проходимец угодил в тюрьму за брачные мошенничества, а дочь не устает благодарить своего благоразумного отца, что он удержал ее от фатального шага.

– Не знал, что Бенингсен женат, – Шпатц мельком просмотрел остальные истории и пришел к выводу, что в них нет ничего интересного. – Впрочем, не могу сказать, что я вообще о нем хоть что-то знал.

– Он был женат как минимум трижды, – сказал Крамм, не поднимая глаз от своей газеты. – Дважды овдовел, один раз развелся. И каждая супруга делала его богаче.

– Да? – Шпатц еще раз посмотрел на нервное лицо толстяка. – В таком случае его история про спасенную от брачного афериста дочку довольно иронична.

– Не удивлюсь, если окажется, что издатель этой добродетельной газетенки – наш старый знакомый Алоис Лангерман, – Крамм перелистнул страницу.

– Данных об издателе здесь нет, – Шпатц еще раз внимательно перечитал блок о газете. – Но есть адрес редакции. Надо записать его на всякий случай, – Шпатц отложил газету и подошел к карте на стене. – Штандартенштрассе в самом центре. Похоже, редакция находится в одном из респектабельных небоскребов.

– Поверим твоему чутью и нанесем им визит при случае, – Крамм свернул газету объявлений и отложил ее в сторону.

Изучение газет, книг и карты затянулось до полуночи. В ресторан на ужин решили не спускаться, обойтись пивом с закусками. Зато теперь они знали про Аренберги гораздо больше. Например, что город разделен на пять районов. Два луча морской звезды, «обнимающие» залив, назывались Шиффацхафен. Жилье там было дешевым, из-за постоянного шума от многочисленных портовых сооружений, и имелось целых три марктплаца. Брюшко морской звезды и большая часть северного луча называлась Миттельпункт. Жилья здесь практически не было. Самый центр занимали небоскребы государственных учреждений и деловых контор, а север был отведен под фабричные корпуса и склады. Кусочек северного луча, тот, что за фабриками, официального названия не имел, но между собой местные жители называли его либо Лох, либо Дикихт. Оба этих слова балансировали где-то на грани допустимых в обществе ругательств и означали нечто среднее между «дыра» и «глухомань». Когда-то фабрики и заводы построили там несколько общежитий для своих разнорабочих, а Аренберги-арbeitsхауз сделал это место проживания еще более тоскливым. Восточный луч и южный лучи представляли собой жилые кварталы. Эти районы были между собой очень похожи – невысокие частные дома, уютные улочки и цветущие сады. Однако конкуренция была какая-то совершенно дикая. Жители Шонеркартен (южный луч) злорадно и остервенело смаковали нехорошие события, происходящие в Стиллштадте (восточный луч). И наоборот. Переехать из одного района в другой считалось чем-то совершенно невозможным. Для жителя Стиллштадта было предпочтительнее оказаться среди обитателей Шиффацхафена или даже арендовать койко-место в одном из общежитий Дикихта, чем снять дом на какой-нибудь Лиленштрассе в Шонеркартене. И если вдруг кому-то из приезжих покажется, что это не правило, а какая-то блажь, то нарушив его, он горько пожалеет, потому что делать гадости ему будут жители обоих районов. Гостиница «Грунер-хюгель», в которой поселили Шпатца и Крамма, была на самой границе между портовым Шиффацхафеном и деловым Миттельпунктом.

Пассажирская часть порта, в целом, была довольно уютным местом. Набережная была довольно красиво оформлена, стояли скамейки для ожидающих и встречающих, кроны деревьев аккуратно подстрижены в едином стиле, имелись даже относительно чистые общественные туалеты. Чего откровенно не хватало, так это уютных кафе с уличными столиками. Шпатц и Крамм заняли удобное место у парапета, не став претендовать ни на одну из скамеек. Не то, чтобы им хотелось провести несколько часов, стоя на ногах, но ни с одного из сидячих мест нельзя было внимательно рассмотреть людей, которые будут спускаться по трапу.

– Интересно, как можно отличить этих островитян-aborигенов? – от нечего делать Шпатц потянулся еще за одной сигаретой. Курить не хотелось, но так хотя бы было ощущение, что они чем-то заняты, а не просто топчутся на месте, среди гуляющих туда-сюда жителей Аренберги.

– Вроде бы, они похожи на таари, – Крамм перегнулся через парапет и посмотрел на плещущуюя внизу воду. – А вообще мы сюда как раз затем и пришли, чтобы внимательно все рассмотреть.

– Вряд ли их прямо с корабля выпустят гулять, – Шпатц кивнул в сторону группы инспекторов в серой униформы, стоящей рядом с приземистым зданием накопителя. Неподалеку выстроился ряд новеньких ластвагенов.

– Ох! Я и не знал, что у нас строят такие огромные корабли! – Крамм схватился обеими руками за парапет, будто собираясь на него взобраться. Лайнер из Карпеланы величаво выплыл из-за северного мыса и стал медленно поворачиваться носом к входу в залив.

– Ого... Он же размером с дом... – пробормотал Шпатц.

– И много ты видел домов таких размеров? – Крамм хмыкнул. – Я бы сказал, что он как люфтшифф... Хотя может и больше.

– Это не наш лайнер, – вклинился в разговор тощий сутулый старик, пристроившийся рядом. – У нас такие не строят, мы же за океан не ходим.

– Хотите сказать, это аборигенская лодка так выглядит? – Крамм нервно засмеялся.

– Получается, что так... – старик развел руками. – Да не смотрите вы на меня, ничего я не знаю! Просто я работаю в доках маляром.

Разговор сам собой закончился. Замолчавшие и замершие прохожие наблюдали, как белоснежная машина карпеланского лайнера медленно приближается к берегу. Казалось, что этот корабль занял собой всю акваторию. Конечно же, только казалось. Но зрелище все равно было захватывающим. Через четверть часа неспешных маневров, и корабль замер в неподвижности. Сразу три баркаса приблизились к борту белоснежного исполина. Загудел двигатель, лягнули цепи, и на борт первого из баркасов опустилась металлическая решетчатая лестница. На верхних ступеньках показались первые пассажиры. Деталей и внешности пока было не видно, только силуэты. Когда первый баркас заполнился людьми, он взревел двигателем, оттолкнулся от борта лайнера и уступил свое место следующему.

– Сколько же людей на этом... могло приехать? – Шпатц не отрывал взгляд от приближающегося к берегу баркаса.

– Тыща или больше, – сказал старик. – Иначе зачем его гонять такой огромный? Только топливо переводить...

– Тысяча, – Крамм вытянул шею, будто надеясь, что так будет лучше видно. Народу на набережной прибавилось. Сначала встречающих было довольно мало, даже очень странно мало. Казалось бы, происходит событие даже не просто городского, а мирового масштаба, а жители Аренберги сидят по домам и делают вид, что им совершенно неинтересно. Сейчас было уже сложно оценить, сколько народу столпилось у парапета. Понятно только, что чтобы выбраться из этой толпы, теперь придется изрядно поработать локтями.

– Честно говоря, я не отличу этих аборигенов от жителей Шварцланда, – Шпатц смотрел, как из баркаса на трап выбираются обычно выглядящие люди. Крой их костюмов был немного непривычным, но это только если присматриваться. Если встретить, вот того пожилого мужчину с желчным лицом под руку с сухопарой фрау в длинном сером платье на улице какого-нибудь Билегебена, то даже не обернешься.

– В Карпелане живут не только аборигены, – сказала полноватая фрау, которая как-то протиснулась к самому парапету через толпу. – Основное население там все-таки наши переселенцы.

– Интересно, как они ухитрились добиться таких успехов за сто лет изоляции? – Крамм сдвинулся, пропуская фрау ближе.

– Вы хотели посмотреть на островитян? – женщина вытянула руку, указывая пальцем на появившуюся на трапе пару. – Вот они, в белом.

Что-то общее с таари у них, несомненно, было. Цвет глаз. Бледно-голубые, почти белые. Но в остальном же перепутать островитянина с обитателем материка было сложно. Глаза были широко расставлены, отчего лица казались немного «птичьими», очень широкая переносица и высокий лоб. Острый подбородок. Островитяне были выше и тоньше материковых обитателей Карпеланы. Сначала Шпатцу показалось, что по трапу идут женщины, но потом он понял, что это не так. Сбили с толку длинные волосы, заплетенные в замысловатые косы, и длиннополые накидки поверх деловых костюмов. Издалека их можно было принять за платья.

– Это какие-то важные шишки, да? – спросил Шпатц, обращаясь к женщине.

– Не имею понятия, – та пожала плечами. – Видела фотокарточки раньше. У них же здесь посольство торговое. Сами они оттуда не выходят, но в газетах снимки печатали.

Первый баркас отчалил от причала и направился обратно к лайнеру. Его место у трапа занял второй.

Сначала Шпатц и Крамм не собирались задерживаться в порту. Они хотели просто посмотреть на первых пассажиров, а потом отправиться изучать Аренберги ногами – прогуливаться по тем улицам, которые им показались перспективными с точки зрения поисков «подпольного» города. Но все получилось иначе. Они досмотрели выгрузку пассажиров до самого конца. Прибывшие заходили в накопитель, проводили там некоторое время, затем их рассаживали по ластвагенам и увозили. Система работала слажено и без сбоев, но довольно медленно. Последние пассажиры сошли с трапа уже почти на закате. Как раз в тот момент, когда развешанные на столбах громкоговорители ожили и напомнили встречающим про комендантский час. Толпа немедленно поредела, но не совсем. Кое-кто не спешил разбежаться по домам.

– Хм... Интересно... – Крамм коснулся плеча Шпатца и показал в сторону четырех неплохо одетых мужчин, которые только что вежливо раскланялись с полицейским. Было заметно, что служитель порядка не особенно рад этой встрече. Кивнув прохожим как своим знакомым, он сразу же отвернулся и поджал губы.

– Предлагаете пойти за ними, герр Крамм? – Шпатц вежливо кивнул полицейскому, но тот сделал вид, что не заметил приветствия.

Мужская компания ненадолго задержалась на углу, где к ним присоединился еще один человек. Затем они все вместе свернули а набережной на одну из вливающих в нее нешироких улиц. Сумерки сгущались, прохожих почти не осталось, только патрульные полицейские. Которые по каким-то своим причинам оставляли без внимания слишком веселую для этого часа компанию.

– Хальт! – негромко сказал полицейский, только что пропустивший мимо мужчин, за которыми Шпатц и Крамм следовали на некотором отдалении. – Предъявите аусвайсы.

Шпатц достал из кармана документ и протянул стражу закона. Тот внимательно просмотрел все страницы, потом взял аусвайс Крамма.

– Герр штамм Фогельзанг, герр Крамм, – лицо полицейского стало непроницаемо-строгим. – Как я вижу, вы приезжие. Но это никоим образом не отменяет того, что вы должны соблюдать правила. По какому адресу вы проживаете?

– Шмайбахштрассе, двадцать, – ответил Шпатц.

– Даже если вы поторопитесь, то не сможете попасть домой до заката, – полицейский сделал движение, как будто собираясь спрятать аусвайсы в поясную сумку.

– Прошу прощения, герр полицейский, – Шпатц извлек из кармана вторую книжечку. – Надо было предъявить вам наши ауслассунги сразу и не отнимать ваше время. Герр Крамм?

– В любом случае, герр штамм Фогельзанг, вам лучше не злоупотреблять этим разрешением, – Полицейский выпрямил спину, вернул Шпатцу и Крамму их документы.

– Это получилось случайно, герр полицейский, – Шпатц безмятежно улыбнулся. – Просто не рассчитали время. Хорошего вечера.

Некоторое время полицейский провожал их задумчивым взглядом, потом отвернулся и полез в карман за портсигаром.

– Герр Крамм, вы видели, куда они свернули? – шепотом спросил Шпатц.

– В подворотню через три дома, – Крамм указал рукой на унылое строение, типичный жилой дом в не самом плохом районе из припортовых. К центру квадратного колодца вела скучная квадратная же арка. Шпатц оглядел мощный двор, других выходов из него не было. По углам имелось четыре входных двери. И никаких следов недавно вошедших сюда людей.

– И что теперь? – спросил Шпатц.

– Подождем, – Крамм пожал плечами. – Или эти ребята просто шли к одному из них домой, или сюда скоро должен войти кто-то еще...

Крамм облокотился на стену рядом с водосточной трубой. Темнота становилась все гуще, но двор был неплохо освещен светом окон. Некоторое время было тихо, но в какой-то момент скрипнула одна из угловых дверей, потом раздался взрыв смеха, и во двор вышли двое. Не из тех, за которыми они сюда пришли. За приоткрытой дверью слышались звуки множества голосов в сопровождении играющего развеселую мелодию рояля.

– Похоже, мы все-таки кое-что нашли, – тихо проговорил Крамм. Смеющиеся приятели замолчали, вдруг обнаружив, что во дворе кроме них кто-то есть. – Нет-нет! Подождите, не убегайте!

Крамм бросился вперед, увидев, что один из вышедших уже схватился за дверь.

– Мы прилетели из Пелльница по работе, – быстро заговорил Крамм, придерживая того, кто пытался открыть дверь, за рукав. – У вас отличный город, но мы уже готовы выть от тоски! Знаете, до этого мы жили в Билегебене, и сейчас нам ужасно не хватает ночной жизни. Танцев, выпивки, музыки... Судя по звукам, которые я слышу, вы тоже это все понимаете. Мы шли по набережной за веселой компанией и надеялись, что нам удастся с ними познакомиться, чтобы вместе выпить или что-то подобное. Я понимаю, что у вас порядки другие, но может быть, мы можем как-то присоединиться к вашему веселью? Мы можем заплатить, показать аусвайсы или...

Крамм говорил торопливо, будто очень волнуясь, и умоляюще смотрел то на одного, то на другого. Шпатц просто стоял рядом и не вмешивался. Наконец горячие уговоры Крамма возымели должный эффект. Тот, что повыше, хлопнул его по плечу и ухмыльнулся.

– Десять марок с каждого, – сказал он. – И я проведу вас внутрь и скажу, что мы знакомы.

– Вы просто наш спаситель! – Крамм просиял и полез в карман за портмоне.

Через минуту они уже спустились по недлинной лестнице в подвальное помещение, полное не очень трезвых людей.

Изначально это место явно не задумывалось как ресторан или рюмочная, можно сказать, оно вообще не очень было для этого приспособлено. Но ценой некоторых вложенных усилий обычный подвал низкими потолками превратился в весьма даже недурной дансинг или что-то подобное. В центре зала стоял рояль, место вокруг него было свободным от столиков, видимо, чуть позже там начинались танцы. Вдоль стен стояли столики, заставленные разномастными бутылками и бокалами. Гостей мужского пола на весь этот подвальчик было около двадцати. Все они были довольно молодыми, во всяком случае никаких седовласых и благообразных герров среди них Шпатц на первый взгляд не заметил. Еще были девушки. Судя по коротким платьям, украшенным перьями и блестками, род их занятий был далек от благонравного. Но время было еще не очень позднее, так что градус откровенности был не особенно высок. Молодой парнишка в белом костюме и прилизанными бриолином волосами терзал клавиши рояля, две девицы в коротких красных платьях не очень громко и не очень талантливо пели что-то про любовь, романтику и свидание при луне. В дальнем конце подвала стоял стол, который, очевидно, выполнял здесь роль барной стойки. Настенные светильники, стилизованные под старинные факела, делали атмосферу этого подвальчика загадочной и в чем-то даже уютной.

– О да! – Крамм устремился к барному столу. – Никогда не думал, что буду радоваться таким простым вещам, как шум и тесная забегаловка с не особенно большим выбором напитков.

– Очень жаль, что здесь не кормят, – Шпатц задержался взглядом на одной из девушек, одиноко подпирающий стену рядом с одним из столиков. Не то, чтобы она была особенно красивой, просто ее лицо было немного растерянным, а пальцы левой руки как-то довольно нервно пытались одернуть подол коротенького блестящего платья. Новенькая? Он подмигнул девушке, она отвела взгляд, и щеки ее слегка покраснели. Шпатц заплатил бармену за два

бокала игристого, оставил Крамма болтать с другими любителями запретной веселой жизни и вернулся к девушке. Увидев его, та вздрогнула.

– Добрый вечер, милая фройляйн! – Шпатц снова подмигнул и улыбнулся. – У меня случайно оказался лишний бокал игристого, не составите мне компанию?

– Вы подумали, что я их этих?... – на лице девушки сменилось несколько выражений – смущение, досада, стыд, снова смущение. – Вы не подумайте, я здесь совершенно случайно... Может быть вы приняли меня за...

– Милая фройляйн, я понятия не имею, о чем вы говорите, – Шпатц обезоруживающе улыбнулся и протянул ей один из бокалов. – Ваши убеждения позволяют вам пить игристое?

– Эээ... да... – ответила девушка.

– В таком случае, вот ваш бокал, – Шпатц вложил тонкую стеклянную ножку в пальцы девушки. – Меня зовут Шпатц, и мне просто нужна компания. А вас как зовут, милая фройляйн? Вы можете не отвечать, если хотите сохранить инкогнито.

– Франциска... – губы девушки дрожали.

– Ваше здоровье, фройляйн Франциска, – Шпатц сделал глоток вина. Да уж, вкус его совершенно не соответствовал цене, которую пришлось заплатить. Впрочем, выбирать особо не приходилось. – Если вам не нравится мое общество, я могу оставить вас.

– Нет-нет, – девушка быстро отпила из бокала. – Я просто растерялась. Пожалуйста, не уходите. Вы же... Вам же от меня ничего больше не нужно?

Шпатц подавил смешок и пожал плечами. Ему хотелось пошутить, но он промолчал. Еще обидит ненароком юную фройляйн, чье выражение лица и поведение совершенно не соответствовало ни наряду, ни месту, где она находилась.

– Уверяю вас, со мной вы в абсолютной безопасности, – Шпатц осторожно коснулся своим бокалом ее бокала. Раздался мелодичный звон.

Любая вечеринка развивается по определенным законам. За коротким периодом стартовой неловкости, следует обязательное раскрепощение. Каждый выпитый бокал делает голоса громче, предложения смелее, а танцы – развязнее. Часа через полтора Шпатц осознал, что совершенно не рад тому, что попытался подбодрить фройляйн в синем платье бокалом игристого. После третьего она ни на мгновение не хотела от него отходить. Кажется, что от выпитого ее страх только усилился. Она держалась за локоть Шпатца, иногда продолжала лепетать что-то про «на самом деле она не такая», и что она так рада, что Шпатц ее понимает и не позволяет никому ее обидеть. Только хорошее воспитание не позволяло Шпатцу стряхнуть с себя ее цепкие пальцы и сбежать танцевать с какой-нибудь другой девушкой, например вот с той хитроглазой фройляйн, которая как бы невзначай уронила с плеча бретельку и громко рассмеялась, пряча под блестящую ткань платья обнажившуюся грудь.

– Фройляйн Франциска... – начал Шпатц, мучительно пытаясь придумать повод, чтобы отделаться от нее наконец. Но сказать он ничего не успел, потому что в этот момент входная дверь с грохотом слетела с петель и голос, усиленный хрипучим громкоговорителем, провозгласил:

– Всем оставаться на местах!

В уютном подвальчике сразу стало тесно от внезапно ворвавшихся туда полицаев с серозелеными повязками отдела нравов.

Глава 3

Heute treff ich einen Herrn

Der hat mich zum Fressen gern

Weiche Teile und auch harte

Stehen auf der Speisekarte

(Сегодня я встречу господина,

*Который охотно сожрёт меня.
Нежные части а также жёсткие
Предложены в меню.)
Mein Teil – Rammstein*

Шпатц потер скулу, которой его весьма чувствительно приложил об стол один из полицейских. Прижавшись к его правому боку, всхлипывала Францеска. Крамм сидел с левой стороны и недовольно разглядывал длинную прореху на штанине. Видимо, за что-то зацепили, когда выволакивали из подвала на улицу.

– Довольно сомнительное приключение, верно, герр Крамм? – Шпатц толкнул анвальта в бок. – Как думаете, что нас теперь ждет? Воспитательный срок в арbeitsхаузе?

– Надеюсь, что дело ограничится назидательной беседой, – Крамм бросил взгляд в сторону захлопнувшейся двери, куда только что вывели одного из их «товарищей по несчастью». Время было уже к утру, но пока никого в камеру не возвращали.

– Мне так стыдно, – Францеска еще раз сдавленно всхлинула. – Они скажут моим родителям?

– Увы, фройляйн Францеска, не могу вас ничем порадовать, – Крамм пожал плечами. – Скорее всего, вашу фотографию даже в газете опубликуют. Буквально вчера я листал «Аренберги-нахрихтен», там под порицание нарушителей общественного порядка отведен целый разворот. Фотокарточка, на лбу крупными буквами написано слово «ПОЗОР», и в пояснении указано, в чем именно провинился этот конкретный человек.

– Нет! – Францеска снова зарыдала, схватилась обеими руками за подол короткого платья и попыталась натянуть его на колени. Шпатц бросил на Крамма осуждающий взгляд и погладил девушку по волосам.

– Я надеюсь, вы шутите, герр Крамм? – Шпатц попытался отстранить от себя рыдающую фройляйн, но совершенно безуспешно.

– Хотелось бы, но нет, – Крамм хмыкнул. – Я просто не придавал этому значения, когда читал. Думал, что нас-то это никак не может коснуться.

Замок на двери лязгнул, дверь открылась.

– Маркфельд, Крутц, Ивергрубер! – отрывисто произнес полицейский. – На выход!

С бетонного пола начали подниматься названные – двое молодых мужчин и фройляйн в платье с оторванным рукавом. Вместе с Шпатцем, Краммом и Францеской теперь осталось всего семь человек.

– Могли бы хоть скамейки какие-нибудь поставить, – проворчал Крамм, поднимаясь с пола.

– Сидеть! – раздался из зарешеченного окошечка на двери грозный голос полицейского.

– У меня замерз зад! – огрызнулся Крамм. – Можно я постою, герр полицейский?

– Не разговаривать! Сидеть! – замок снова лязгнул. Крамм примирительно поднял руки и снова опустился на бетонный пол.

– Я понял, понял! – Крамм вздохнул.

Снова потянулись тягостные минуты. Выпитый алкоголь уже давно выветрился. Было холодно, пустой со вчерашнего утра желудок поднывал от голода. Францеска всхлипывала. Шпатц еще раз осмотрел камеру, но за несколько часов ничего нового в ней не появилось – унылая полуподвальная комната с зарешеченным окном под потолком с одной стороны и тяжелой обитой железом дверью с другой. Голый пол, серые стены, дыра в полу в углу для отправления естественных надобностей.

Замок снова лязгнул.

– Фогельзанг, Крамм, Карги! На выход! – прокаркал полицейский. Шпатц облегченно вздохнул и попытался освободить свой локоть от вцепившейся в него Францески, чтобы подняться. Но девушка с новой силой завывала навзрыд, и вцепилась еще крепче.

– Нет! Я его невеста! Я вместе с ним! – заверещала она. Полицай сделал шаг в камеру и грозно посмотрел на Шпатца.

– Вы подтверждаете ее слова? – спросил он. Шпатц опустил взгляд на Францеску. С одной стороны, девушку было жаль, с другой – ее всхлипы и рыдания за эту ночь уже настолько утомили, что он понял, что не готов признать ее своей невестой.

– Нет, герр полицай, – Шпатц отрицательно покачал головой. – Я с ней познакомился несколько часов назад.

– Что ты такое говоришь! – Францеска сжала пальцы на руке Шпатца так, что ему показалось, что сейчас потрескаются кости. – Ты не можешь вот так меня оттолкнуть!

– Простите, фройляйн Францеска, – Шпатц осторожно стал разжимать ее пальцы. Девушка отпрянула, толкнула Шпатца в плечо, потом неожиданно бросилась вперед и попыталась вцепиться ногтями в ее лицо. Шпатц едва успел перехватить ее руки. Но тут вмешался полицай. Он схватил девушку за запястье, заломил ей руку за спину и грубо уложил лицом в пол.

– Ваша очередь еще не пришла, фройляйн! Вам следует сидеть у стены и молчать! Все понятно?

Францеска прокричала что-то неразборчивое сквозь рыдания.

– Фогельзанг, Крамм, Карги! – повторил от двери второй полицай. Шпатц встал и нетвердым шагом направился к двери. От нескольких часов сидения на холодном полу ноги затекли. Перед самой дверью оглянулся на Францеску. Та все еще лежала на полу, придавленная коленом и рукой полицая. Пожал плечами и вышел в унылый коридор, тускло освещенный неяркой лампочкой.

Третьим в их компании оказался тот самый парень, который согласился провести их в подвал. При аресте ему разбили нос, теперь он распух, а на лице все еще остались подсохшие бурые разводы. Всех троих провели по недлинному коридору, в который выходил десяток таких же дверей, как и та, из которой их только что вывели. Упирался коридор в решетку, дверь в которой была открыта, а рядом с ней дежурил другой полицай. За поворотом – короткая лестница и еще один коридор с одинаковыми дверями в обе стороны. У третьей двери слева их ждал еще один полицай.

Помещение, куда их привели, тоже было безрадостным, но кое-какая мебель тут все-таки была. Деревянный письменный стол, за которым восседал внушительных размеров оберфельдфебель, на стене сбоку висел экран с ростовой разметкой. Рядом с зарешеченным окном – высокий стеллаж, сверху донизу набитый картонными папками. Напротив экрана – громоздкая фотокамера.

– Фогельзанг! – выкрикнул тощий человек, топтавшийся рядом с экраном. – Встать сюда. Ноги на желтые метки! Это – держать перед собой!

Шпатц вздохнул, взял табличку и направился к экрану. Поставил ноги на желтые отпечатки ботинок. Посмотрел на табличку. На ней было большими буквами написано слово «ПОЗОР». Хмыкнул.

– Смотреть в камеру! Не шевелиться и не моргать! – скомандовал тощий, уже переместившийся к своему аппарату. Ослепительная вспышка. Жужжание. Щелчок.

– Крамм! – выкрикнул тощий. – Фогельзанг, отдайте табличку и топайте к той стене!

Куда конкретно показывал тощий, Шпатц не видел. От вспышки он ненадолго ослеп.

– Пошевеливайтесь! – прикрикнул тощий. Шпатц послушно пошел вперед, часто моргая. Крамм забрал у него табличку и послушно встал у экрана. Яркая вспышка за спиной. Жужжание. Щелчок.

– Карги!

Шпатц стоял, подперев стену. Ситуация была дурацкая, но не злила. Уже даже про еду и сон не думалось.

– Ну что, отребье, – толстый полицейский поднялся со своего места и оказался еще более внушительным, чем сидя. Мало того, что он был выше Шпатца, так еще и в ширину он превосходил более, чем в два раза. – Пьяницы. Шайскопфы. Что смотрите так невинно, заморыши дерьмозады? Мне противно смотреть на ваши рожи! Сейчас, когда наша страна ведет справедливую войну, вы, вместо того, чтобы бежать, придерживая штаны, в вербовочный центр, трахаете проституток и пьете! Вот ты, шванцлутчер! Как ты можешь оправдать свое мерзкое поведение?! – толстый палец оберфельдфебеля уперся в Карги.

– Простите, герр оберфельдфебель... начал тот.

– Заткнись, швухтель! Я уже наизусть знаю все слова, которые ты мне скажешь! Слушать противно! Значит так, ублюдки вонючие! Завтра ваши фотографии появятся в вечернем номере и на всех информационных стендах. Пусть весь город видит ваши мерзкие рожи! Но это только на первый раз! Если вы окажетесь здесь снова, то вам грозит кое-что похуже! Вы меня поняли?!

Все трое молчали, глядя в пол.

– Что-то я ничего не услышал! Давайте, подонки, покажите, как вы умеете бляеть!

– Да, герр оберфельдфебель, – нестройным хором сказали Шпатц, Крамм и Карги.

– Ладно, убирайтесь уже с глаз моих, – полицейский сел обратно за стол и уткнулся взглядом в книжку. В этот момент дверь скрипнула, и в комнату просочилась миниатюрная фройляйн. Она подошла к оберфельдфебелю и начала что-то шептать ему на ухо.

– Которые? – грозное лицо полицейского еще больше нахмурилось. Девушка показала на Шпатца и Крамма и положила на стол газету. Оберфельдфебель схватил ее и всмотрелся в страницу. Посмотрел на Шпатца. Потом снова на газету. Выбрался из-за стола и подошел ближе. Приложил газету к голове Шпатца и несколько раз перевел взгляд с его лица на страницу и обратно. – Похож. Ты что ли тот самый Фогельзанг?

– Наверное, вы имеете в виду моего кузена Адлера, – осторожно сказал Шпатц.

– Надо же, – полицейский хмыкнул. – Ну забирай этих двоих, раз так!

Сонное оцепенение моментально слетело со Шпатца. Куда это их собрались «забирать»? Конвойный у двери подтолкнул Шпатца и Крамма за локти к двери, вслед за девушкой. Они снова какое-то время шли по коридору, практически до самого конца. Потом девушка остановилась перед одной из дверей, открыла ее и посторонилась, пропуская Шпатца и Крамма вперед. В этой комнате не было экрана и фотографа, но тоже имелся письменный стол, за которым сидела женщина в штатском сером костюме с гладко зачесанными назад волосами. У стены напротив ее стола стояли два стула.

– Садитесь! – звонко скомандовала девушка. Шпатц и Крамм поспешили выполнить это указание. Даже на неудобных стульях сидеть было все-таки лучше, чем на холодном бетонном полу в камере. Окно за спиной женщины, как и все прочие в этом заведении, было закрыто решеткой, на улице уже практически рассвело. Перед тем, как сесть, Шпатц успел заметить, что на столе перед женщиной лежат их документы – аусвайсы и ауслассинги. Некоторое время женщина молча разглядывала Шпатца и Крамма, потом жестом приказала конвойному покинуть кабинет. Как ни странно, тот немедленно выполнил указание.

– Шпатц штамм Фогельзанг, – медленно проговорила она. – Ну что ж, рада с вами познакомиться.

Голос ее звучал иронично и даже немного насмешливо.

– Я бы разделил вашу радость, но не имею чести знать вашего имени, фрау... – Шпатц вежливо кивнул.

– Бенедикта пакт Гогенцоллен, – представилась женщина.

– Приятно познакомиться, фрау пакт Гогенцоллен, – сказал Шпатц и замолчал, ожидая развития событий. Было не очень понятно, какой пост занимает эта женщина в местной поли-

цайской иерархии. И вообще было странно, что женщина занимает здесь какой-то пост, все-таки в Аренберги все еще был очень строгий патриархальный уклад.

– Я внимательно изучила ваши документы, герр штамм Фогельзанг, – фрау поднялась из-за стола подошла к Шпатцу. – Какое ведомство выдало вам ауслассунг?

– Вы в чем-то хотите нас обвинить, фрау пакт Гогенцоллен? – вмешался в разговор Крамм. – Насколько я понимаю, за свой проступок мы уже понести заслуженное наказание, и наши помятые лица украсят завтрашний номер «Аренберги-нахрихтен»... А мы, в свою очередь, постараемся в дальнейшем вести более достойный образ жизни, чтобы не попадать в такие истории.

– Герр Васа Крамм... – задумчиво проговорила фрау, шагая к нему. – Анвальт герра верванта. Из Пелльница. На чем вы к нам прибыли, позвольте полюбопытствовать?

– На рейсовом люфтшиффе, – быстро ответил Крамм. – Называется «Флигендер-Фельсен». Билеты, увы, с собой не носим, кажется, выбросили, как только прилетели. Мы можем уже идти, фрау пакт Гогенцоллен? Мы провели здесь всю ночь, а нам еще предстоит работать.

– То есть, вы не просто прожигатели жизни из богатой семьи, сбежавшие подальше от линии фронта, я правильно вас понимаю? – голос фрау звучал тихо и вкрадливо.

– Видите ли, фрау пакт Гогенцоллен, – Шпатц виновато улыбнулся. – Я получил права верванта совсем недавно. Это долгая история, я не буду вам ее сейчас рассказывать. Но дело все в том, что теперь в мои обязанности входит масса формальностей, которые я все еще не освоил. В обязанности моего анвальта входит помочь мне освоиться. Именно это герр Крамм и имел в виду.

Почему-то ни Шпатцу, ни Крамму не хотелось рассказывать этой вкрадливой фрау с внимательными глазами, какая именно миссия возложена на них в Аренберги. Но и врать напрямую тоже не очень хотелось.

– Хорошо, герр штамм Фогельзанг... – пронзительный взгляд синих глаз фрау уперся Шпатцу в лицо. – То есть, вы один из тех светских бездельников, которые просто приехали развлекаться?

– Я бы назвал это немного иначе, – Шпатц пожал плечами. – Но такая формулировка тоже подойдет.

– Фрау пакт Гогенцоллен, может быть, вы уже скажете нам, почему нас задержали? – спросил Крамм с нажимом.

– Вас не задержали, – фрау пожала плечами и вернулась обратно за стол.

– То есть, мы можем встать и уйти? – Крамм поднялся со стула. Рука дежурившей у двери миниатюрной девушки дернулась к поясной кобуре.

– Это будет невежливо, разве нет? – фрау холодно улыбнулась одними губами. – Может быть, я просто хотела посмотреть поближе на столичных знаменитостей, которых досадными неприятностями занесло в нашу полицейвахту. Герр Крамм, в моих силах сделать так, чтобы ваши фотокарточки не появились в вечернем выпуске. Может быть, уладить это недоразумение, чтобы ваша репутация не пострадала?

– Моя репутация, фрау пакт Гогенцоллен? – Шпатц скривил губы в высокомерной улыбке. – Уверяю вас, мне совершенно плевать, что обо мне будут думать в вашем чопорном городе.

– То есть, вам все равно, что вас будут считать прожигателем жизни, в то время как наша страна ведет войну? – ее голос звучал все еще ровно, но нотки раздражения уже были слышны. – Вы понимаете, что таким поведением вы бросаете тень на всех вервантов?

– Мы уже выслушали нравоучение, – Шпатц пожал плечами. – И приложим все мыслимые усилия, чтобы не повторять своих ошибок. Мы можем забрать свои документы?

– Да, разумеется, – фрау подвинула аусвайсы к краю стола, поджала губы и отвернулась. – Проводи их к выходу, фройляйн Кунц.

Шпатц и Крамм встали и подошли к столу.

– Мне очень жаль, что мы познакомились при таких неприятных обстоятельствах, фрау пакт Гогенцоллен, – Крамм улыбнулся, пряча картонные книжечки во внутренний карман пиджака. – Будет большой наглостью предложить вам встретиться за чашечкой кофе в более уютной обстановке?

– Это неуместное предложение, герр Крамм, – холодно ответила женщина.

– И все же... – Крамм схватил ручку и быстро написал на листке бумаги несколько букв и цифр. – Если вы вдруг заскучаете, то позвоните по этому номеру...

– Фройляйн Кунц, проводите их к выходу, – повторила фрау еще более ледяным тоном.

Хрупкая девушка открыла дверь и посторонилась, пропуская вперед Крамма и Шпатца. Лицо ее было не таким непроницаемым, как у ее начальницы, оно явно и отчетливо выражало осуждение и порицание. На крыльце девушка остановилась.

– Вот, возьмите! – она протянула одну сероватый бланк Шпатцу, а второй Крамму.

– Что это? – Шпатц недоуменно нахмурился.

– Вам надлежит оплатить штраф за нарушение общественного порядка в кассу полицейской вахты, – отчеканила она. – Кассир работает с полудня. Рекомендую не затягивать с этим.

Девушка резко развернулась на каблуках и ушла.

– Три с половиной марки, – прочила Шпатц. – Недешевое удовольствие – нарушать общественный порядок.

– Хорошо, что мы можем не стесняться в средствах, – Крамм потянулся за портсигаром.

На улице было светло, но прохожих все еще не было. Сирены, возвещающие завершение комендантского часа, еще не прозвучали. Сориентировавшись по карте, они обнаружили, что от полицейской вахты до гостиницы всего несколько кварталов. Сонный портье вручил им ключи от номера и запечатанный белый конверт без подписи.

– Письмо? – Шпатц покрутил конверт в руках. – От кого это может быть? Кто его привез, герр Манфред?

– Курьер, герр штамм Фогельзанг, – ответил портье. – Он приехал на черном крафтвагене, сам был одет в черную бархатную униформу. Он попросил передать письмо постояльцу гостиницы, как две капли воды похожему на Адлера штамм Фогельзанга. И показал вырезку из газеты с фотокарточкой.

– И вы сообщили ему, в каком я номере? – Шпатц, наверное даже бы готов был разозлиться, если бы не был таким уставшим. Сейчас его сил хватило только на уточняющие вопросы.

– Ни в коем случае, герр штамм Фогельзанг, – отчеканил портье. – Я даже не сказал, проживаете ли вы здесь. И не давал гарантии, что послание будет доставлено. Так что если вы не желаете его брать, то...

– Нет-нет, благодарю, герр Манфред, – Шпатц сунул конверт в карман и пошел к лестнице.

«Приветствую!»

Заранее прошу прощения за навязчивость, но до меня дошли слухи, что Аренберги посетил один из представителей прославленной семьи Фогельзанг. К сожалению, я не знаю вашего имени, но все равно взял на себя смелость к Вам обратиться. Мое имя Ансгард пакт Гогенцоллен, хотя вряд ли оно вам что-то скажет. Меж тем здесь я один из немногих представителей старой аристократии и, пожалуй, единственный, кто устраивает официальные и неофициальные приемы. К сожалению, в последнее время у нас было не так много поводов собраться, поэтому я и пишу вам. Герр штамм Фогельзанг, я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вышли со мной на связь. Я бы хотел, если ваша миссия не чрезвычайно секретная и не подразумевает сохранения полного инкогнито, чтобы вы почтили своим присутствием мой скромный салон. Вряд ли мы сможем произвести на вас неизгладимое впечатление, но тешу себя

надеждой, что смогу немного разнообразить и украсить ваш досуг в нашем, как вы наверное уже смогли заметить, довольно скучном городе. С превеликим уважением и нетерпением жду вашего ответа любым из доступных способов.

Анггард пакт Гогенцоллен,
Маритимштрассе, 114,
Номер телефона 12-МШ-111».

Шпатц положил листок на стол и посмотрел на Крамма.

– Гогенцоллен, хм... – анвальт уселся в кресло и потянулся за портсигаром. – То-то мне показалось знакомым имя той чрезвычайно вьедливой фрау...

– Вы его знаете, герр Крамм? – Шпатц вопросительно изогнул бровь и открыл резную дверцу шкафчика рядом с окном.

– Не то, чтобы лично знаю... – Крамм усмехнулся. – Скорее слухи и сплетни о связанном с этой семьей скандале.

– Теперь я весь внимание, герр Крамм! – Шпатц выставил на стол две рюмки и бутылку шерри. – Вообще-то я думал, что после бессонной ночи нам бы неплохо лечь спать, но сейчас это желание пропало.

– Сразу предупреждаю, что в правдивости истории я совершенно не уверен, потому что мой источник информации далек от компетентного и беспристрастного, – Крамм кивнул в ответ на вопросительный взгляд Шпатца, и тот наполнил обе рюмки. Руки явственно подрагивали, что, впрочем, было неудивительно. – Семейство довольно обширное, там множество всяких троюродных-четвероюродных братьев и сестер, иногда кажется, что у них в каждом городе есть гнездо. В принципе, верштагам не запрещено раздавать приставку «пакт» вместе со своей фамилией хоть первому встречному с улицы, но обычно этим не злоупотребляют, иначе смотреть на семью начинают косо и перестают приглашать на приличные мероприятия.

– То есть, этот Гогенцоллен может «в девичестве» был каким-нибудь Хрюффлингом, потом подкопил денег, сделал взнос и стал гордым аристократом? – Шпатц сделал маленький глоток шерри.

– Не исключено, но необязательно, – Крамм взял свою рюмку за тонкую хрустальную ножку. – На самом деле их никто ни разу не уличил в бесконтрольном раздавании фамилии. Кажется, три поколения назад там просто был один дед, помешанный на пристраивании своих многочисленных потомков. Прямо рекордсменом был, семнадцать или восемнадцать детей у него было от официальных трех жен. И еще штук пять признанных бастардов. Но скандал был не в этом и произошел он в билегебенской ветке Гогенцолленов. Не помню, как звали главного фигуранта, это все-таки было вне сферы моих интересов.

– Так в чем же был скандал? – Шпатц сел на кресло напротив Крамма.

– А, ну да, – Крамм сделал глоток шерри и усмехнулся. – В общем, тот Гогенцоллен был очень благодетельный и благотворительный. Он давал денег приютам сирот, меценатствовал и устраивал разные громкие акции, чтобы показать, какой он добрый. В какой-то момент он решил, что мало просто давать денег другим приютам, и учредил свой. Для мальчиков. Ну, точнее, наверное, для юношей. Он специально объезжал арbeitsхаузы, чтобы находить одаренных ребят тяжелой судьбы, забирал их к себе и давал еду, жилье, одежду и образование. Воспитывал и всячески готовил к жизни. Во всяком случае именно так это все подавалось. Об этом писали любили писать в газетах, публиковали фотокарточки благовоспитанных, хорошо причесанных и одетых юношей в компании с этим самым Гогенцолленом. В общем – идеальная картина. Все счастливы. Но был один нюанс. На самом деле его приют имел совсем другое назначение. Это был такой высококлассный и великосветский бордель для мужеложцев. Порочным страстям подвержены все слои общества, даже под угрозой расстрела. Вот герр пакт Гогенцоллен и взял на себя смелость удовлетворить таковую для вервантов и верштагов. Стоили его услуги очень дорого, попасть в число клиентов можно было только по железной рекомендации, имена

ценителей свежих юношеских прелестей держались в строжайшей тайне. И все шло хорошо. Днем и напоказ это был благопристойный приют с воспитанными мальчиками, а по ночам за закрытыми дверями там все превращалось в пошлейший разврат самого высокого пошиба.

– Хм... – Шпат допил шерри, поставил рюмку на стол и не стал наливать себе новую порцию. – А как давно это было?

– Лет пять или шесть назад, – Крамм сделал еще глоточек шерри и продолжил. – Собственно, сам по себе бордель Гогенцоллена скандалом не был. Про него знали или подозревали, но как-то привыкли и закрывали глаза. Продолжали писать в газетах о талантливых мальчиках, которым в этом замечательном месте дают отличное образование и готовят для страны великолепных специалистов. Статьи эти были настолько проникновенные, что однажды это дошло до твоего дяди Хагана штатм Фогельзанга. Как возглавляющий министерство образования и воспитания, он не мог пропустить такой пример гражданской самосознательности и решил нанести визит в знаменитое заведение. Или там кто-то что-то напутал, или визит был неожиданным, или все это случилось, потому что у Гогенцоллена нашлись очень злые недоброжелатели, но герр Хаган со свитой оказался не в той версии этого прекрасного заведения. Понимаешь, о чем я говорю герр Шпатц? – Крамм подмигнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.